

РИДДЕР

ИГРОК

ТОКСИК

Саша Токсик

Игрок

«автор»

«автор»

2024

Токсик С.

Игрок / С. Токсик — «автор», «автор», 2024

Днем успешный писатель, вечерами удачливый игрок. Я привык побеждать, благодаря уму и уникальной памяти. Но карточный мир не любит выскочек. Мне сломали и пальцы и судьбу. Жизнь перетасовала колоду, дав мне второй шанс. Ну что, выродки, сыграем?

© Токсик С., 2024

© автор, 2024

© автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Аристарх Риддер, Саша Токсик Игрок

Глава 1

*Не садитесь играть с сочинцами. Они знают прикуп.
Народное творчество.*

– Что за ерунда? – хмурится Юра. – Откуда здесь пост?

Затянутый в портупею гаишник в белом мотоциклетном шлеме машет нам жезлом. Самого мотоцикла поблизости не видно.

Юра-Одессит, знаменитый ялтинский шулер законопослушно сдаёт к обочине. Нам сейчас совсем не нужно привлекать внимание. В скромном чемодане-дипломате, который лежит у нас в багажнике находится триста тысяч рублей советскими денежными знаками. Мой выигрыш.

Чуть поскрипывает опускающееся стекло на водительской двери. Гаишник подходит к машине и молча стреляет Юре в лицо.

* * *

– Фёдор Михайлович, с вами всё хорошо? – подскакивает ко мне девушка.

– Да, извините, задумался. – отвечаю. – Можно мне воды?

Высоченная, метр восемьдесят, не меньше, в белой блузочке и очень короткой, но строгой чёрной юбке, она моментально приносит мне стакан воды со льдом на крохотном подносе. И где их таких красивых только находят? Все одинаковые как на подбор, только цветом волос отличаются. Эту, по имени Юля, лично ко мне приставили.

Лет двадцать назад, я бы порадовался. Но сейчас она обращается со мной не как с мужчиной, а как с ценным антиквариатом. Не дай бог, рассыплется от старости, а ей влетит.

– У вас было такое лицо, словно вы привидение увидели! – волнуясь говорит она.

– Почти, милая, почти...

Я увидел большой зал ресторана «Прага», в котором не был уже полвека. Именно здесь началось то, о чём я всю последующую жизнь хотел, но не мог забыть.

Кажется, что здесь ничего не изменилось, хотя я понимаю, что вокруг почти сплошной новодел. Новый владелец старейшего ресторана столицы отметил завершение реконструкции большим турниром по преферансу. В духе модного сейчас «Советского винтажа».

Любимая игра ушедшей эпохи, в которую сражались инженеры и академики, прокуроры и киноактёры, сейчас оказалась на обочине жизни. Слишком медленная, слишком много надо думать... Сейчас всем подавай холдем с его мгновенными выигрышами и комментаторами на околоспортивных каналах, из той породы, которая умеет вынос мусора превратить в зрелище... Преферанс, это такой же, в своём смысле антиквариат, как и я сам.

А ещё – отличное шоу для тех, кто в теме. Все столики в зале забиты зрителями, а на сцене стоит большой игорный стол на четверых. Финал. Одно из мест – моё.

– Пора, Фёдор Михайлович, – перерыв заканчивается, и Юля подкатывает моё инвалидное кресло ближе к столу.

Партнёры улыбаются мне. В их глазах смесь уважения и жалости. К таким взглядам я привык, как и к своему креслу, в котором провёл больше половины жизни. Не спился, не сдался,

в свои 74 года написал несколько десятков книг и стал широко известным в узких кругах специалистов по карточным играм.

Кстати, ни в одно казино России меня не пускают. В Монако, Монте-Карло и Черногорию тоже. США уже двадцать лет, как отказали в визе. Такие, как я у них на особом счету. Да и врачи давно запретили волноваться. Сердце. На приличную и безбедную старость хватает сбережений. Только для этого турнира я решил сделать исключение.

– «Пас!», – я неуклюже кидаю раздачу на стол.

Непослушные пальцы торчат во все стороны. Со временем я научился держать в них вилку... карандаш... Для карт пользуюсь специальным «держателем», иначе рассыпятся.

Мой соперник, молодой мужчина в солидном тёмном костюме улыбается и записывает себе «в пулю» четыре очка. Очередная «семерная» игра прошла без вистов. Поверили на слово, так сказать.

Владельцу ресторана, Виталию Арнольдовичу удивительно везёт. В финал он прошёл легко, как нож сквозь масло, и сейчас явно лидирует. Как говорится, в своём доме и стены помогают. Он явно рассчитывает сегодня на триумф.

Сидящая по правую руку женщина заметно злится. Она очень красива той зрелой и эффектной красотой, которая приходит после тридцати пяти и не уходит, пока не заканчиваются деньги. Прямые волосы цвета воронова крыла, тёмные глаза, золотистый южный загар, который подчёркивает серебристое коктейльное платье.

Светлана Ларская – бизнес-леди и меценат. Женщины в преферансе – редкость. Слишком эмоциональны и неусидчивы, а уж настолько яркие чаще всего бывают «подсадными». На стоимость её украшений можно купить десяток моих квартир. Но играет хорошо, разве что слишком любит риск. На прошлой раздаче я оставил её «без двух» и записал в гору приличный штраф.

Это Арнольдич на сверкание декольте загляделся. А нам старикам на такое наплевать. Мы в карты смотрим, а не выше. Так что очередной круг торговли она тоже пропускает.

Четвёртый игрок, спортивный журналист Семён Лозинский, высокий и тощий мужчина лет пятидесяти заметно уступает остальным. Сейчас он на раздаче. Обычно, как раз после этого сидящему по правую руку от него Виталию Арнольдовичу особенно везёт. Вот и сейчас он расплывается в улыбке.

– «Раз», – говорит он, заявляя игру.

Голос звучит значительно и весомо, словно лев накладывает свою лапу на добычу, объясняя всем – кто здесь царь зверей. Ему достаточно одного хорошего розыгрыша, чтобы закрыть пулю. Арнольдич смотрит на нас поверх развёрнутого веера карт, предвкушая свой бенефис.

– Пас! – бесится Ларская.

Что же вы, ребята, эмоциональные такие. Здесь не покер, конечно, но по вам читается всё насквозь. У Арнольдича полная рука «крупняка». Само «надуло» или Лозинский подложил – оставим вопрос открытым. Важен факт. Подтверждает это и Ларская, будь у неё хоть что-то приличное – поторговалась бы, а так сразу «упала».

Интересно, а в каких изданиях печатается этот самый Лозинский? Что-то я не припомню такого журналиста.

– Сергей Петрович, – спрашиваю, – а вы где работаете? В какой газете?

– С-с-с... – Ларская выпускает через зубы воздух.

Получается у неё это очень по-змеиному.

– Это к игре не относится, – раздражённо говорит Виталий Арнольдич. – Говорите уже своё слово.

Только Лозинский молчит, выдавая тем самым роль глубоко подчинённую. Ну что же, это даже на руку. Если расклад для Арнольдича готовил он, то картам других игроков вполне мог не уделить внимание. Обычное дело для людей с быстрыми руками и медленным мозгом.

– Мизер, – говорю.

Если хозяин обычной игры обязуется взять как можно больше взяток, то сейчас я делаю заявку не взять ни одной. Этакая игра в «поддавки». В игровой торговле почти самая старшая. Перебить меня может только «девятирная» игра или «тотус» – обязательство взять все десять взяток.

– Девять! – припечатывает Арнольдич.

Его лицо идёт пятнами, наливается дурной кровью. Видно, что он рассчитывал на что-то меньшее. Семерную или восьмирную и сейчас рискует. Ларская от любопытства прикусывает кончик языка и становится похожа на хитрую лисичку. Чувствуется, что её симпатии на моей стороне. Женщины любят победителей.

– Мизер без прикупа!

– В соглашении это не обговаривалось! – выкрикивает Арнольдич.

– Обратное тоже, – говорю. – Обговаривалось прикуп «в морду» не кидать, – я выразительно смотрю на Лозинского, и он опускает глаза.

«Соглашение», это договорённость перед игрой, по каким именно правилам она идёт. Преферанс существует во множестве вариаций. «Сочинка», «Ленинградка» – это только самые известные. Поэтому все спорные моменты проясняются, что называется «на берегу».

К Виталию Арнольдовичу подходит представитель жюри. Они о чём-то шепчутся. «Признанный авторитет...», – ловит моё чуткое ухо «... репутационные потери...», «...живая легенда...».

– Какой злой дедушка, – смеётся Ларская, – отнимает у мальчика игрушку.

Арнольдич снова густо краснеет, и на меня накатывают скверные воспоминания. Сердце колотится, как ненормальное. Только не сейчас, милое. Продержись немного.

Мой «мизер» далеко не идеален. Если бы крупные карты были раскиданы по рукам моих соперников, они смогли бы подловить меня. Весь расчёт на то, что Арнольдич заграбастал всё себе. Единственная возможность перебить меня – объявить «десятерную», но для этого он слабоват.

– Играем, – кивает, наконец, Арнольдич.

Они с Ларской раскладывают свои карты в открытую. Теперь будут «ловить» меня вдвоём. Проверять мизер на прочность.

Но я уже не волнуюсь. У Арнольдича две сплошных масти и одна-единственная семёрка трэф. С неё он начинает, и я скидываю свою единственную «бланковую» восьмёрку. Взятку забирает Ларская, а дальше мы раскидываем «мизер», словно пасьянс.

– Десять очков! – громогласно сообщает ведущий. – Итого тридцать два очка! Турнир завершён, жюри приступает к окончательному подсчёту, но уже очевидно, что победителем стал Фёдор Михайлович Евстигнеев! Наш почётный гость... знаменитый...

Слышу, как громко аплодирует «прикреплённая» ко мне Юля. Все вокруг встают с мест и к горлу подкатывает давно забытый восторг победителя. Пытаюсь вздохнуть, но вслед за ним приходит боль. Она словно нож врезается в сердце.

Звуки затихают... кто-то вдалеке зовёт врача... ещё кто-то визжит... Я ничего не чувствую и только вижу, как надо мной кружит громадная сводчатая люстра с хрустальными подвесками и свет её постепенно меркнет.

Ресторан «Прага»

* * *

Первое, что я вижу, это люстра, но уже совсем другая. Простая такая штука из семидесятых. Три пластиковых плафона весёленькой раскраски. Один салатовый, второй розовый, а третий голубой, да ещё и с белыми полосками.

Точно такая же когда-то висела у меня в спальне, когда я жил на проспекте Калинина. В Переделкино я переехал ещё при Горбачеве, так что не довелось пожить на Новом Арбате.

Вообще, это очень интересный глюк, так-то в моей спальне интегрированные светильники, да и потолок тут какой-то странный. На больницу не похоже. На «Прагу», даже на какую-нибудь подсобку тоже. Где я вообще?

А потом я чувствую то, чего не было уже полвека и что разом перекрывает все прочие несурозности.

У меня начинает чесаться левая нога.

Да так сильно, что это точно не может быть чем-то вроде фантомных болей, которые нет-нет, да и преследовали меня большую часть моей жизни.

Рывком сажусь и, несмотря на сумрак, понимаю, что нахожусь не дома, а в той самой старой квартире. Модный югославский гарнитур, как сейчас помню, отдал за него премию со второй опубликованной книги, две прикроватные тумбочки, письменный стол с печатной машинкой и целый ворох каких-то смятых и разорванных листов.

Но всё это ерунда, по сравнению с тем что я чувствую своё тело ниже пояса! И не только ноги, но и ещё кое-что!

Вскочив с кровати, я осматриваю себя в зеркале Алёны, в памяти сразу всплывает имя моей пассии тех времён, когда я мог ходить и у меня всё было в порядке.

Я молод и здоров! И у меня всё прекрасно работает!

Может, так и выглядит рай для атеистов? Я снова оказался в возрасте больших надежд и пика физической формы? Или, возможно, я сейчас мотаюсь между жизнью и смертью, а сердитые медики, хрипло ругаясь колотят меня электрошоком, пытаюсь вернуть в тело старой развалины заскучавшую по свободе душу?

Даже если это и глюки, и я сейчас лежу в коме к какой-нибудь московской клинике, то пусть так. Деньги у меня на счете есть, душеприказчик тоже, так что пусть этот глюк с путешествиями по моему прошлому продолжается! Честное слово, он мне нравится!

Правда, когда я подхожу к письменному столу с до боли знакомой тяжелой печатной машинкой «Москва» иронично названной «портативной». Хорошо помню, как мне её выдали под роспись в Союзе Писателей, то вижу нечто, чего в моей памяти не было.

Печатная машинка «Москва». «Портативная»

Наверное, еще недавно это было рукописью, но сейчас весь стол был завален порванными листами бумаги, сверху которых лежит один единственный целый, исписанный аккуратным женским почерком.

«Евстигнеев, ну ты и урод! Мало того что вчера завалился пьяный как скотина, чего я от тебя никак не ожидала!!!»

Так ещё и я прочитала твой роман. Эта твоя Лидочка, о которой ты рассказывал, что вдохновлялся мной. Мало того что она ведёт себя как шалава, так ещё и склочная и глупая истеричка!!!

Евстигнеев, это последняя капля! Раз ты обо мне такого мнения, то пошёл ты в задницу!»

И снизу приписка.

«Ключ от твоей квартиры на кухонном столе. Вещи я забрала.

17 мая 1972.

Теперь уже твоя бывшая невеста.»

Вот это поворот! Что-то я не помню, чтобы мы с Алёной ругались, да ещё и так сильно. Она была девушкой яркой, но тщеславной и прощала мне богемный образ жизни писателя, ради знакомств, которыми можно было хвастаться перед подругами и интересными событиями, на которые у меня всегда были приглашения.

Алёна меня бросила значительно позднее, когда я уже стал инвалидом, а следовательно «бесперспективным».

Честно сказать, я вздыхаю с облегчением. «Баба с воза, кобыле легче». Я помню, что у нас с ней так ничего и не получилось. Пусть виной всему и был тот злосчастный случай в Крыму, но всё-таки обида на Алёну преследовала меня очень долго. А так, переживаний от разлуки никаких. Посторонний, почти забытый человек.

В рассуждениях о внезапно бросившей меня подруге из прошлого, я как-то привыкаю к окружающей меня действительности. К молодому телу, к моей старой квартире, к яркому и тёплому солнцу за окном. Не похоже это всё на бред умирающего мозга. Слишком подробное.

И вообще, вдруг это не глюки, а что-то совсем иное? Второй шанс, реинкарнация, путешествие в прошлое, не знаю. Но в любом случае раз уж этот самый второй шанс мне выпал, то грех им не воспользоваться.

А ещё, прощальное письмо Алёны подсказывает мне две вещи.

Какая сейчас дата и самое главное, какие у меня нынешнего планы на следующие несколько месяцев.

Мне же издательство заказало роман о виноделах! И именно сегодня я приглашён в «Прагу», на закрытую дегустацию новинок крымских заводов, которую организовали для чиновников из Мосторга и директоров ресторанов.

Я очень хорошо помню это время, и сейчас словно сверяю свои новые чувства с воспоминаниями. Тогда всё считалось таким обычным, а сейчас самое простое действие кажется мне удивительным.

Щёлкаю оконным шпингалетом, и в комнату врывается шум московской весны. Несмотря на календарь, лето уже практически вступает в свои права. На улице очень солнечно и столбик термометра замер на отметке 24 градуса, и это в тени! Погода ясно даёт понять, что одеться мне нужно легко.

В одних трусах и майке-алкоголичке, даже странно, что в молодости, а сейчас мне всего 25, мне нравилось носить их, я прохожу в кухню.

Хоть Алёна в своей записке и написала, что я пришёл вчера домой пьяным, но сушняка или головной боли совершенно не чувствуется. Вот что называется – повезло.

Зато желание своими руками приготовить завтрак и заварить чай, желательно с травами, чабрецом или зверобоем, у меня оного какое сильное! Как-никак я этих радостей, которые другие люди и за радость-то не считают, был лишён очень и очень долго. Так что наслаждаюсь этими простыми вещами, даже боясь в глубине души, что меня реанимируют и вернут в постылое будущее.

С квартирой мне откровенно повезло, как и со многим другим, на заре моей писательской жизни. Складывается впечатление, что судьба щедро раздавала мне авансы, чтобы потом, буквально за несколько дней всё отобрать.

Свой первый сборник рассказов я опубликовал в 17 лет. Вряд ли его заметили из-за больших художественных достоинств. Скорее заинтересовались самим автором. Упрямый и пробивной мальчишка-детдомовец, без знакомств и связей поступивший в Литинститут имени Горького.

Самым молодым членом Союза Писателей я не стал, оставив пальму первенства 19-летнему Евтушенко, но в двадцать один год уже обзавёлся заветной корочкой. В отличие от избалованных «коренных москвичей» я хватался за любые заказы издательства. Писал повести о хлеборобах и мелиораторах, спортсменах и манекенщицах.

Мне были интересны люди, как таковые. Их мотивы, поступки и психология, и это прекрасно пересекалось с другим моим увлечением, которое позволяло жить не только безбедно, но порой и с шиком.

Когда я защитил диплом, и прав на пребывание в ВУЗовской общаге не стало, оказалось, что собственной жилплощади я не имею. Как раз в ту пору я закончил повесть о монтажниках высотниках, тех самых, что «не кочегары и не плотники», обогатившую Литфонд сразу на несколько десятков жилищных ордеров.

Начальство оценило мои успехи, и неожиданно для самого себя, из обшарпанной коммуналки на четырёх человек я переехал в новую двушку на Калининском проспекте, с отдельным, как и положено писателю, кабинетом в двадцать квадратных метров.

Кухня встречает меня тихим дребезжание холодильника Зил. Он у меня сейчас вполне соответствует духу времени, закруглённые линии, блестящая никелированная ручка и большой чёрный бытовой трансформатор, который стоит сверху.

В холодильнике обнаруживается батон колбасного сыра, даже странно, что в молодости я ел эту гадость, сливочное масло в маслёнке, пяток яиц, початая бутылка молока и докторская колбаса.

В навесном ящике над холодильником нахожу хлеб, чай и заветную трёхлитровую банку с травами. Так и есть зверобой и чабрец. Обожаю это сочетание!

Пока руки заняты приготовлением омлета, деланием сразу двух бутербродов – колбасный сыр оказывается парадоксально вкусным – и завариванием чая, я размышляю.

Это дело настолько затягивает, что я продолжаю думать и за завтраком, наслаждаясь ароматным, собственноручно заваренным чаем.

Роман о крымских виноделах был моей давней мечтой. Культура, которая пошла ещё от древних греков и развивалась в генуэзских колониях, впитала в себя традиции множества народов. Несмотря на шутки коллег, что «Пускать Евстигнеева на винзавод, как козла в огород», я упорно шёл к своей цели, обивал множество порогов и прошёл через десятки кабинетов.

Но сейчас я этого не просто не хочу. При одной мысли о поездке меня охватывает ужас. Слишком мрачные остались воспоминания так, что даже само слово Ялта вызывает фантомные боли.

Я даже и не замечаю, как погружаюсь в воспоминания о том, что случится всего через полтора месяца...

* * *

– У меня есть деньги... много денег... – вру я, с трудом шевеля разбитыми губами. Своей ложью я покупаю себе ещё несколько минут жизни. Если я стану налётчиком неинтересен, то мой труп останется остывать здесь на дороге, рядом с Юрой.

Я давлю на их единственное слабое место. На жадность.

– Где они? – наклонившись ко мне спрашивает один.

– В городе... в тайнике... я покажу...

– Ты нам всё покажешь и расскажешь... И не вздумай с нами играть, мы тебе не фраера!

Бандит поднимает ногу и давит каблуком ботинка мне на правую руку.

Я слышу хруст и понимаю, что хрустят мои пальцы.

– Покажу! Честно!

– Тащите его в багажник!

Он снова заносит ногу, бьёт и меня накрывает темнота.

Темнота закончилась на дороге. Наверное, замок у багажника машины оказался с браком, так что он не сработал как следует. А может, просто поторопились.

И на одном из ухабов багажник открылся.

В тот момент я долго не думал, что меня ждёт и так понятно. Поэтому я приподнялся на сломанных руках, – боль была адская – и вывалился из машины. Благо что на этой дороге, несмотря на вечернее время, были и другие автомобили. А при свидетелях эти уроды вряд ли рискнули останавливаться и запихивать меня обратно.

Так и произошло, машина не остановилась, а наоборот, водитель дал по газам.

И всё бы было хорошо, но, на мою беду, прямо за машиной моих похитителей ехал сто тридцатый ЗиЛ. Затормозить он не успел.

Выжить-то я выжил, но вот всё что ниже пояса оказалось парализовано. Включая то, о чём вы подумали. Вообще всё. Часто потом я гадал, подарок ли это от судьбы, или издёвка.

* * *

Из воспоминаний меня вырывает телефонный звонок. Машинально хлопаю себя по карманам и только потом вспоминаю, где искать аппарат. Прохожу в прихожую и снимаю чёрную бакелитовую трубку.

– Алло, Михалыч, ты? – слышу я голос.

Через секунду понимаю, кто это. Мой редактор в издательстве, Костя Синицын.

– А кто ещё? – отвечаю. – Конечно, я.

Внутри возникает странное чувство, что я играю сам себя в любительском спектакле и сейчас не должен сфальшивить. «Синдром самозванца», так, кажется, это называется.

– Звоню тебе напомнить, что у тебя сегодня вечером встреча с крымскими виноделами.

Значит, дату я угадал верно. Тот самый день.

– Знаешь, Костя, я что-то не хочу писать эту книгу, – говорю, а отголоски воспоминаний о Ялте по-прежнему вертятся у меня в голове. – Отдай это задание кому-нибудь другому. Любой зубами вцепиться в возможность летом за государственный счёт поехать на ЮгА.

– Э нет, старик, ты не соскочишь, – смеётся Костя. – Главный хочет роман именно «нашего молодого дарования». Напомнить, кого так называют?

– Не надо, я помню, – у меня вдруг возникает чувство, что время – это такая упругая субстанция, которая сопротивляется моим попыткам его изменить. – Но я всё равно не буду его писать.

– Вот что товарищ Евстигнеев, – тут же голос Синицына становится серьёзным. – Выкиньте эту дурь из головы.

– Нет, и ещё раз нет. Я в Крым не поеду.

Услышав это, он тяжело вздыхает и продолжает более участливо:

– Писатель, твою мать, творческая натура чтоб тебя. В общем, так. До этой дегустации ещё целый день. Так что подгребай в редакцию. Если ты так сильно настаиваешь, то сам говори с главным. Но сначала зайди ко мне. Хочу разобраться, почему ты отказываешься от того, что сам добивался три месяца. Ты же сам идею этого романа предложил. В общем, жду тебя через час.

Сказав это, Синицин кладёт трубку, а я достаю из телефонной тумбочки сигареты и коробок спичек. Надо же, помню, где они у меня лежали.

Выкурив сразу две сигареты в открытое окно кухни, я захожу в ванную, умываюсь и иду собираться.

Глава 2

К старинному особняку с белыми колоннами я подхожу минут за пятнадцать. Это здание, известное в Москве как «Дом Ростовых» знают все счастливые обладатели корочки «Союза Писателей СССР». Улица Воровского, которая до и после советской эпохи именуется Поварской, как раз соединяет старый и Новый Арбат. То есть, сейчас просто Арбат и проспект Калинина.

В Советском Союзе, чтобы быть писателем недостаточно просто марать бумагу. Нужно быть признанным коллегами, старшими товарищами, собратями по перу. «Писатель» – это такая же профессия, как слесарь или бухгалтер. Так что одного желания мало, требуется квалификация.

Чтобы быть причисленным к составу избранных, надо не просто публиковаться в журналах и получить известность, но и пройти специальную аттестационную комиссию. В составе моей, например, присутствовала сама Наталья Дурова, знаменитая дрессировщица. Только потом я узнал, что она ещё и детские книжки пишет.

Прохожу вдоль кованой ограды, вбегаю вверх по мраморной лестнице, которую можно снимать в кино про балы и дворянские усадьбы и погружаюсь в круговорот людей и кабинетов.

В редакторской висит густой сигаретный дым, постоянно звонят телефоны и по ним отвечают сразу несколько голосов. Место Кости Синицына пустует. Его блондинистая коллега из за соседнего стола пожимает плечами и я ухожу на поиски, ныряя обратно в людской поток.

– Евстигнеев, ты почему без носков, – слышу за спиной строгий женский голос.

На мне по случаю жары надеты сандалеты. Попрошу не путать эту обувь с несерьёзными сандалиями. Сандалеты – практически то же самое, что и туфли, но с многочисленными прорезями, позволяющими ноге дышать. Сейчас в таких на улице каждый второй, если не каждый первый. Разнообразие в одежде и обуви вообще маловато, но это не может испортить мне впечатления от возвращения в сильное и молодое тело.

К тому же в отличие от большинства жертв фабрики «Скороход», воспетой журналом «Крокодил», у меня на ногах чехословацкие «Цебо». К ним я надел лёгкие парусиновые брюки и рубашку-поло, которую все в то время почему-то называли «бобочкой», с лихим якорем на нагрудном кармане.

Передо мной возвышается Прасковья Валуйчик, поэтесса и общественница, дама баскетбольного роста и рубенсовских статей. Творит она под псевдонимом «Зинаида Фабричная».

*Завод гудел своими трубами,
И ты сказал, в потоке дней
Пуškai ты, Зинаида, люба мне.
Но Пятилетку выполнить важней.*

Так начиналось первое стихотворение её сборника. Сколько лет прошло, а до сих пор помню.

Внутри её монументального тела скрывается большое и впечатлительное сердце, но годы, проведённые в роли школьного завуча, дают о себе знать. Прасковья терпеть не может беспорядок.

– Я тебе, больше того, скажу, Прасковья, – я придвигаюсь к её уху, – по последней парижской моде не только носков, но и трусов носить не полагается!

– Вот ты охламон! – пунцовеет она, – врёшь ведь!

– А ты у Фимы Егорова спроси, – хохочу, – он там недавно в командировке был.

– Вот малахольные, – качает головой Прасковья.

Не знаю, кого она так называет, меня с Фимой или легкомысленных французов. Ефим действительно съездил этой зимой Париж в составе советской культурной делегации. Оттуда он привёз красный нейлоновый плащ для Алёны, на который ушло половина моего гонорара за последнюю повесть.

Писатели вообще живут не как все нормальные люди. Если обычные трудящиеся каждый божий день ходят на работу и получают зарплату, то писатели кажутся беззаботными словно птицы. Никакого распорядка и трудовой дисциплины. Никаких статей «за тунеядство». Зато гонорары такие, что можно на них автомобиль купить.

Ну ладно, автомобиль, это только у писателей из «первой обоймы», с миллионными тиражами, государственными премиями и прочими регалиями. У середнячков – на мотоцикл, или в лучшем случае – на мопед. Вот только «капает» такой гонорар, не каждый месяц, а хорошо, если раз в полгода. Какая-нибудь повесть, или даже простой рассказ должны отлежаться, проверяться на актуальность и идеологическое соответствие.

Так что писатели живут как студенты, сначала по принципу «правой руки», когда в ресторане заказываешь, закрывая ладонью цены. Потом по принципу «правой», когда прикрываешь названия и смотришь, на что хватит денег. А затем «волчка». Покрутишься, покрутишься и уходишь.

Правда, ко мне это не относилось. У меня был свой способ безбедного существования между гонорарами. Который позже и сослужил мне дурную службу.

– Федя, дай четвертной взаймы? – ловит меня за пуговицу Феликс Забавлин, детский писатель-сказочник.

У него округлое добродушное лицо и такие же круглые очки с большими диоптриями. Настоящего имени Забавлина уже никто не помнит.

– Федя в лесу съел медведя, – говорю, – а я Фёдор Михайлович.

К своему имени я отношусь трепетно ещё с детского сада. Сколько с тех пор носов было разбито – не счесть.

– Хорошо, Михалыч, – покладисто соглашается Забавлин. – Ты, главное, одолжи. Веронике сапоги предложили новые, югославские. А я тебе со следующего гонорара верну... Вот сказку несую новую... тебе почитать?

Детский писатель Феликс Забавлин был твёрдым и окончательным подкаблучником, и если бы не жена Вероника, так бы и прозябал на последних страницах журнала «Мурзилка». Но растущие потребности супруги вывели Забавлина на невероятную продуктивность. Как говорится, за каждым успешным мужчиной стоит очень неудовлетворённая женщина. Я имею в виду – материально неудовлетворённая.

– Откуда у меня деньги, Феликс? – говорю, – я уже полгода ничего не публикую, на новую книгу материал собираю.

– Так, все уже знают, что ты вчера Лотарева с Юшкиным в преферанс обнёс, – потирает ладони Забавлин, – Юшкин насилу при своих остался, а Лотарева жена из дома выгнала.

– Во как, – говорю, – а я думал, мы в доме Писателей пили...

– Пили, – охотно подтверждает Забавлин, – Лотарев гонорар свой отмечал. Потом ресторан закрылся, и вы к Юшкину поехали. А уж что дальше было – история умалчивает.

Странно, не помню я в своей прошлой жизни подобного эпизода. Хотя в произошедшее охотно верю. «Расписать пулю» было любимым развлечением, а азарт, который не находил выхода в размеренной советской жизни, в таких случаях зашкаливал. Даже в дружеской партии «по копейке за вист», можно было проиграть несколько червонцев. А уж если ставки росли...

Уже в школе я обладал прекрасной памятью и мог перемножать в уме многозначные числа. Мне пророчили карьеру в математике, но свою роль сыграло врождённое упрямство. Я не хотел становиться вундеркиндом и «цирковым медведем», на которого сбегаются посмотреть как на диковину.

Поэтому свои способности перестал выпячивать, и со временем все решили, что ничего такого у меня и не осталось. Подростковый возраст он такой, у одних голос ломается, а у других цифры из головы вылетают.

Но мои способности никуда не делись. Более того, я нашёл им отличное применение и отточил до совершенства. Всё началось с Пионерского лагеря «Ёлочка». Мой сосед по комнате, огненно-рыжий Коля Жук предложил разыграть ежедневное дежурство в подкидного дурака. Кто продует, тот и полы моет, заявил он, вытаскивая засаленную колоду. Выгода была очевидна. С тех пор я не проигрывал в карты никогда.

Кстати, дома я денег не нашёл. Не иначе как Алёна, не совладав с жадностью, решила прихватить их в качестве выходного пособия. Легко достались, легко расстались.

– Синицын тоже вчера с нами пил? – уточняю внезапно возникшую идею.

– А куда он денется? – отвечает Забавлин, – эй, ты куда?! А четвертной?! – кричит он уже мне в спину.

Костю Синицина я нахожу в буфете. Он поправляет своё здоровье бутылкой Нарзана и бутербродами с салями. Перед ним стоит блюдо с винегретом, на которое Костя поглядывает с явным отвращением.

Хотя современный писательский буфет и уступает описанному Булгаковым «Грибодову», – осетрину тут не получишь в любой свежести, – но за многие деликатесы из меню большинство граждан готовы были бы стоять в очереди хоть несколько суток. А как готовят! Одно только заливное из судака или пожарские котлеты чего стоят.

А уж что говорить о главном зале ресторана дома Литераторов – Дубовом. Стены здесь отделаны массивными панелями резного дерева, вдоль одной из них тянется резная лестница на второй этаж, а рядом с ней красуется самый настоящий камин, не горящий по причине жаркой погоды.

«Дубовый» зал ресторана Дома Литераторов

Во втором по размерам зале, Пёстром, располагает длинная барная стойка, специально для любителей формата «50 грамм и бутерброд»,

*О, молодые, будьте стойки
При виде ресторанной стойки,*

– написал об этом месте советский поэт Расул Гамзатов.

Балует страна своих писателей. Это и понятно, находясь в тепличном мирке буфетов, банкетов и ведомственных командировок гораздо легче поверить, что всё идёт по плану, и скоро наступит коммунизм и всеобщее процветание. Так и книги получают бодрее и оптимистичнее.

Кстати, попасть сюда можно только по заветным «членским корочкам». Ходит легенда, что однажды сюда не пустили самого Анастаса Микояна, хотя тот занимал высокий партийный пост и, более того, был приглашён на мероприятие.

– Будешь силос? – Костя придвигает мне блюдо с винегретом, – Я сам не осилю.

– Спасибо, – говорю, – я позавтракал.

– Везёт тебе, – обличительно указывает на меня бутербродом Синицын, – мало того, что увёл в плен первую красавицу столичного Дома Моды, так она ему ещё и завтраки готовит.

– Я себе и сам могу приготовить, – не соглашаюсь я.

Костя не случайно считается одним из лучших редакторов в Союзе. Намёки и детали он ловит на раз.

– Поругались? – спрашивает он.

– Видимо, – пожимаю плечами.

Подробностей добавить не могу, все они прошли мимо меня. В «прошлой жизни» столь серьёзной ссоры с Алёной у меня перед командировкой не случалось, хотя мелкие стычки происходили регулярно. Моя избранница отличалась на редкость склочным и истеричным характером.

И зачем я терпел эту дуру? – приходит в голову. Ради престижа, наверное. Чтобы такие, как Костя мне завидовали.

Алёна была чрезвычайно хороша собой. Жгучая брюнетка с загадочными тёмными глазами и весьма аппетитной фигурой. Каноны женской красоты в начале семидесятых были куда гуманнее, и по подиумам ходили не костлявые «вешалки», а весьма симпатичные девушки с нормальными человеческими пропорциями.

Не зря она бросила филологический факультет, ради карьеры модели, в Советском Союзе, между прочим, весьма уважаемой и почётной. Советская мода гремела в Европе, и для девушек это был шанс увидеть далёкую и запретную «заграницу» и прикоснуться к местным материальным благам. Ну и престиж, куда же без него...

Внешне моя избранница была похожа на модную в то время Софи Лорен, а ещё больше на знаменитую модель 60-х Регину Збарскую, которую западная пресса называла «самым красивым оружием Кремля».

Регина Збарская. Советская манекенщица 60-70-х годов

– Ушла? – участливо интересуется Сеницын, – ты из-за этого в командировку ехать не хочешь?

– Нет, конечно, – говорю.

– А почему тогда? – на лице у Сеницына проступает сочувственно-понимающее выражение, за которое хочется съездить ему по физиономии.

– Просто, планы поменялись... – импровизирую я, но не слишком удачно, – Ну что это за тема, виноделие? Лучше про нефтяников написать... Или про геологов...

– Михалыч, ты дурак? – говорит Костя с искренним сочувствием, – Тебе охота в тайге гнус кормить? Три месяца, в Крыму, на всём готовом... Вино... пляж... Да я бы чёрту душу заложил, лишь бы в такую поездку смотаться! «Я-а-а-лта... где растёт золотой виногра-а-д»!

На нас оборачиваются, причём некоторые с откровенной завистью. Слухи про мою командировку просочились глубоко в писательской среде. Наверняка не один труженик блокнота и пишущей машинки стучал дома по столу, говоря: «Меня, заслуженного человека к пчеловодам в Тамбов отправляют, а этого прощелыгу, который и в „Союзе Писателей“ без году неделя, в Крым! Вино пить и на солнышке греться!».

Ни одной резонной причины для отказа у меня нет. Но и двигаться навстречу слепой судьбе, сотворившей из меня калеку, не хочу. Поэтому упираюсь изо всех сил.

– Костя, – говорю, – ну не могу я. Долго объяснять, но это чистая правда. Может, поменяется с кем-то... Любой согласится на три месяца в Ялту поехать.

Сеницын мотает головой.

– Главный тобой уже на всех уровнях похвастался, – объясняет, – и на краевом, и на республиканском. Едет, мол, к вам наше юное дарование. Лучший из лучших... Ты сам сообщаем, что говоришь? Как он другого пошлёт? Иди и сам с ним разговаривай...

Главный, это оргсекретарь «Союза Писателей» Сергей Сергеевич Бондарь, человек с армейской выправкой и понимающим взглядом. Злые языки утверждают, что выправка неслучайна и Сергей Сергеевич имеет звание полковника, причём в тех службах, где погоны носить не принято. Ни одной книги за его авторством я так и не читал.

Если по всему зданию царит шум и суета, то коридор напротив его кабинета с медной табличкой пуст. Такое чувство, что здесь даже температура воздуха на несколько градусов ниже. Когда стоишь перед дверью, слегка знобит.

– Фёдор, заходи присаживайся, – с ласковой, отеческой улыбкой приветствует меня Бондарь. – Как твоя командировка? Уже оформил? Смотри не затягивай...

Кабинет у Бондаря смотрится представительно. Посередине огромный стол буквой «Т», обтянутый зелёным сукном. На нём ни единой бумажки, только медный канцелярский набор с пресс-папье и лампа со светло-зелёным абажуром, как в «Ленинке».

«Дорогой Леонид Ильич» на портрете молод, бодр и чернобров. На его груди всего две скромных звёздочки.

Сбоку стоят сразу три телефона. Чёрный, жёлтый и красный. Когда у Бондаря звонил чёрный телефон, он просил всех выйти, даже если шло совещание. Красный при мне не звонил ни разу.

– Я как раз по этому поводу, – говорю, – я не могу поехать по личным обстоятельствам.

– Да ты смеёшься?! – Бондарь хлопает ладонью по столу. – Какие могут быть «личные обстоятельства»?! Тебя уже люди ждут, я их лично просил о твоей персоне!

Чёрт, я думал, что найти желающего поехать вместо меня в Крым будет легко. Пошёл по пути наименьшего сопротивления.

То ли в этой моей командировке и правда замешаны административные рычаги, о которых я не знал, то ли сам поток времени толкает меня на уже накатанные рельсы.

– Может, я поменяюсь с кем-то? – понимаю, что мои слова выглядят и правда каким-то глупым капризом.

– А что? – голос Бондаря становится вкрадчивым, – могу тебя с Юшкиным поменять. Полетишь через неделю в Анадырь, писать повести про жизнь оленеводов за полярным кругом! Мы по-едем-мы-пом-чим-ся! На-о-ле-нях-ут-ром-ранним!

Огрсекретарь привстаёт и начинает приплясывать, отчего мне становится немного жутко.

– НА ПОЛГОДА! – выкрикивает он, – чтобы лучше тему изучил!

Не люблю, когда меня гнут через колено. В целом, я человек дружелюбный и незлой. Но чем больше на меня действие, тем сильнее оказывается противодействие. Да и после всего пережитого, крики оргсекретаря выглядят для меня, как дурно сыгранная пьеса.

– Отправляйте – говорю. – Воля ваша. Партия сказала «надо», комсомол ответил «есть». В за полярным кругом тоже люди живут. Наши, между прочим, советские люди.

Бондарь, понимая, что кавалерийским наскоком ничего не добиться, тут же меняет тон. Не нужен я ему в Анадыре. А в Ялте – нужен.

– Что ты, милый друг, совсем скис, – моментально переключается он на сочувственный тон, – устал... перегрелся... творческий кризис. Ты пока с выводами не торопись. Сходи в «Прагу», поговори с людьми, выпей вина... туда же самое лучшее привезли. Я тебе даже завидую... дегустатор...

– Сергей Сергеич...

– Всё, никаких возражений! – довольный собой, Бондарь хлопает в ладоши, – Фёдор Михайлович, шагай на дегустацию. А после мы с тобой о командировке поговорим. На трезвую, так сказать, голову.

Глава 3

Как там говорил товарищ Ленин, чтоб ему в мавзолее икалось? Объективные законы развития общества? По-моему, так.

И исходя из этих объективных законов мне, как ни крути, нужно вечером в «Прагу». Как я не старался соскочить с этого мероприятия, ничего не получилось.

Это не отменяет того факта, что я очень не хочу ехать в Крым. Но ещё больше я не хочу подводить Костю и тем более навлечь на себя гнев Бондаря.

Он, Бондарь, запросто может устроить мне такую сладкую жизнь, что небо с овчинку покажется. Я, конечно, могу хорохориться, и даже пойти на принцип. Но спастись от проблем, сломав себе карьеру, тоже вариант – так себе.

Устроить что ли в Праге дебош? Такой, основательный, в лучших традициях советских литераторов времён НЭПа. Пойти по стопам Есенина, так сказать.

Накидаться в дым и начать приставать к присутствующим дамам с разными скабрёзностями.

Дамы там наверняка будут. Лучший ресторан Москвы, крымские виноделы, работники «Мосторга» и элитного, столичного же, общепита. Сто процентов как минимум пяток, а то и больше красоток из Общесоюзного дома моделей одежды, в просторечии Московский Дом Моды, там точно будут.

А девочки в этом, пардон, блядушнике, соответствующие. Я лично с некоторыми водил очень тесные знакомство.

Год назад, именно там я встретил Алёну.

* * *

Московский дом моды. Я только что сдал свою первую рукопись в издательство и Бондарь, восхищённый глубиной смыслов, богатством слова и там ещё много восторгов было, тут же выдал мне новое задание.

Сто процентов, этому хрену запал в память визит в столицу самого передового государства рабочих и крестьян моделей Кристиан Диор в 59-м.

И он захотел роман, ну или повесть, на худой конец о наших красотках из этой индустрии. Советская мода всё последнее десятилетие на подъёме. Принцип «Всё лучшее – советское» очень удобно демонстрировать с помощью красивых девушек.

Только что закончился показ. «Мини-бикини 69», та сценка из «Бриллиантовой руки» была, как говорится, основана на реальных событиях, и меня как писателя пропустили за кулисы.

Сыграли знакомства в писательской среде. Да и вообще, парень я всегда был очень видный, бабий магнит. Так, о таких как я, говорили.

– Так ты писатель? – удивилась моя новая знакомая.

Я сразу запомнил имя «Алёна». Очень соответствует популярному стилю «под русскую старину». Совершенно фантастическая девушка с ногами от ушей, высокой грудью и полностью противоположными официозу взглядами на то, какая должна быть советская комсомолка.

– Именно так, милая. – подтвердил я. – Как раз сейчас пишу производственный роман про творческий путь самых красивых девушек Советского Союза. И мне нужна муза.

– Федя, ты меня смущаешь, – зарделась она.

Таким, как она я всегда прощал «Федю». Федор, Михалыч, или не дай бог Федор Михайлович в постели звучат ну очень нелепо.

– Ну а что? Каждому времени нужен свой символ, – соловьём заливался я. – Ты же видела репродукцию картины «Свобода ведущую народ»? Чем ты хуже модели, которая для неё позировала?

А девочка, молодец! Культурный уровень у неё на уровне. Но как же мило она смущается! Таким красоткам очень идут румяные щёчки.

После этого я повёл её в ту же «Прагу». Кошелёк с гонораром у меня в кармане пиджака это позволял, и к концу вечера смущения и след простыл.

А уж какая она стала, когда мы приехали на такси ко мне! Так, меня за ночь никто не уматывал! С тех пор Алёна и задержалась в моей жизни на целый год.

В общем, да. Надо будет как следует дать джаза в Праге вечером. Глядишь, и проблема исчезнет.

* * *

Из дома Ростовых я решаю тоже возвращаться пешком.

Обычные люди, те кто привык ходить на своих двоих, не понимают этого кайфа. Пройтись по майской Москве. Чувствовать асфальт мостовой под своими ногами и улыбаться полетнему одетым девушкам.

А их в моём любимом городе просто аномальное количество. Сказывается наш вечный русский центризм. Так уж заведено, что столица – это центр притяжения тысяч и тысяч молодых парней и девчонок.

В покинутом мною времени ВУЗов в Москве было две с половиной сотни. Сейчас, меньше, но всё равно их очень много. А в них очень много студентов. И на тротуарах центра сейчас самый настоящий цветник.

Так что, несмотря на думы горькие, прогулка до дома у меня вышла приятная.

И она была тем более приятной, потому что я не ловил на себе взгляды, полные брезгливой жалости.

Как ни крути, но советское общество в базе своей создано исключительно для здоровых людей. Такие, как я после той истории в Крыму, в это общество не вписывались органически.

Не предусмотрены были в светлом коммунистическом обществе инвалиды-колясочники.

Нас, а я всё ещё нутром воспринимал себя как инвалида, как и безруких-безногих ветеранов войны, которые, вообще-то, своё здоровье отдали за то, чтобы вот эти девочки на московских улицах наслаждались солнцем, а не отрабатывали своим телом рабскую пайку в немецких борделях, вкупе с больными детьми, не должно было существовать в природе. Не вписывались мы в светлое коммунистическое завтра.

Но это всё лирика. Ласковое московское солнце светит так, что мои мысли кажутся брезжанием. В любом случае мне предоставлен новый шанс.

* * *

Раз уж от банкета в Праге мне не отвертеться, то выглядеть на нём нужно соответствующе. Благо что я, пока ходил, то старался следить за своим гардеробом.

Я не помню, как одевался в 72-м, но краткая инспекция гардероба показала, что всё небезнадёжно.

Парочку двубортных костюмов из катастрофически грубой ткани, по меркам двадцатых годов 21-го века, конечно, я отметаю сразу. И цвет и фасон были такие, что в них впору на похороны идти, а не на светское мероприятие.

Куда только смотрели мои глаза когда я их покупал?

А, впрочем, сейчас время развитого социализма. Так сейчас многие ходят.

Твидовая двойка, висевшая рядом с похоронными костюмами больше отвечала моим представлениям о прекрасном. Фасон очень неплох.

Но вот сама ткань! Тяжелая и очень плохо дышащая. Спасибо, но нет.

Спасением стали пиджак и брюки, занимавшие сиротское место в самом углу платяного шкафа. Лняные, о чём свидетельствовали бирки, те, которые, на самом деле инструкция для женщин, как эту вещь стирать и как за ней ухаживать.

Лён – это очень хорошо. Лёгкий, удобный. Он, конечно, мнётся, но это всё равно.

Цвет тоже вполне соответствовал моим взглядам на прекрасное. Серый такой, то что надо.

Подобрать рубашку не составило особого труда. Как сейчас помню, мы с Алёной полгода назад устроили настоящий набег на двухсотую секцию ГУМа, спасибо «родному» Союзу Писателей за пропуск в это благословенное место. Мы там купили для меня сразу четыре одинаковые польские рубашки. Белые и очень приятные на ощупь.

Там же и тогда же я приобрёл югославские туфли, не чёрные, как принято сейчас, а некондиционного бежевого цвета.

Я практически определяюсь с одеждой и остался последний штрих, он же неременный атрибут любого уважающего себя советского мужчины. Галстук.

И с ним натуральная беда.

Всё, что находится в моём платяном шкафу просто отвратительно. Понятное дело, что сейчас такая мода. Но все, абсолютно все, галстуки соответствуют времени. Они короткие и очень широкие. Вот прям очень. Я в них словно клоун на арене Цирка, что на Цветном бульваре.

Как я с ними ни колдовал, как ни прикидывал, но всё равно. Получается какая-то порнография. В любом случае выглядит очень глупо.

В итоге я решаю плюнуть на этот атрибут мужского костюма и обойтись без него. Буду фрондировать окружающих, хотя на этот момент, это почти бунтарство. Но я же скандалить собираюсь. Мне можно.

Определившись с одеждой, я иду в ванную. Щетина на моей физии буквально кричит, что надо с ней что-то сделать. Время, когда трёхдневная небритость считается нормой, ещё не пришло.

Там меня ждёт простое советское мыло, помазок и опасная бритва с броским названием Gillett. Даже странно, что я не помню, что она у меня была, вернее, есть.

Но руки помнят, как этой устрашающе острой штукой пользоваться, я даже не порезался!

Закончил с мыльно-рыльными процедурами, спрыскиваю лицо шипром и отправляюсь гладить рубашку и брюки. Бритвенно острые стрелки на брюках это обязательный стандарт.

Марля, через которую и полагается гладить брюки именно там, где и должна быть. Висит на гладильной доске, которая примостилась за диваном.

Через час после того, как я зашёл домой всё готово. Смотрю на себя в зеркало в прихожей и понимаю, что лучше уже не сделать. Каблуки туфель, конечно, высоковаты, но сейчас других и нет. В общем, всё готово.

К разврату готов, как сказал герой Василия Шукшина в известном фильме.

* * *

У дверей «Праги» уже выстраивается приличная очередь. Молодые парни с нарядно одетыми девушками и люди постарше терпеливо ждут, когда освободятся посадочные места.

Хотя девять залов «Праги» могут вместить больше тысячи человек, желающих попасть в этот легендарный ресторан всегда больше, особенно по вечерам. Конкретно эти граждане по какой-то причине не прошли фейс-контроль сурового белобородого швейцара. Для меня до

сих пор остаётся загадкой, как он определяет, кого пустить внутрь, а кого оставить в «вечно ожидающих».

– Молодой человек, вы куда?! Вас здесь не стояло! – слышу сзади возмущённые голоса.

Видя меня, суровый страж расплывается в улыбке и распахивает дверь.

– Добрый вечер, Фёдор Михайлович.

– Добрый, Тимофей Кузьмич!

Я пожимаю ему руку в белой перчатке, и пятирублёвая купюра по волшебству меняет владельца. Это не взятка, а скорее ритуал. Многим сюда не попасть и за пятьдесят рублей. Сегодня я на работе, и мог бы вообще не платить, но зачем обижать уважаемого человека.

– Где дегустация проходит? – уточняю у швейцара.

– В «Зеркальном» зале, – поясняет он, – началось уже.

Оказываюсь в фойе и чувствую укол страха внутри. Ещё несколько часов назад меня, немощного старика закатывали сюда на инвалидной коляске. Боюсь того, что всё вокруг окажется бредом, и я вдруг приду в себя. Понимаю, что отчаянно этого не хочу. Хорошо, что дегустация организован не в «Королевском», зале, проходила игра. Там бы мне было совсем не по себе.

Ресторан «Прага». Зеркальный зал

Дегустация устроена по случаю невероятного события. В конце мая в Москву прибудет президент США Ричард Никсон. Кормить его предстоит поварам из «Праги», которые в числе прочего обслуживали Большой Кремлёвский дворец, а вот за право поить гостя развернулось настоящее сражение.

Производители вин прекрасно понимаю, что после договоров о дружбе и разоружении, между двумя странами могут быть подписаны и торговые соглашения. Так что распитая за успех переговоров бутылка вина может проложить путь к экспорту, что поднимет престиж предприятия на небывалую высоту.

Так что формально, дегустация – сама по себе, а Никсон сам по себе. Но по факту и сами виноделы и экспертное жюри держат «нос по ветру».

В «Зеркальном» рябит в глазах от бутылок с вином и красивых девушек. Совершенно «чумовое» сочетание, и хитрые винзаводчики прекрасно это понимают.

«Великаны», такие как Массандра, Инкерман, и НИИ «Магарач» выставляют целые стенды со своей продукцией. Представляете себе, научно-исследовательский институт, который занимается изучением вина?! Хотел бы я там защитить хотя бы кандидатскую диссертацию!

Не сильно отстают от них и предприятия помельче. В Крыму едва ли не каждый совхоз делает своё вино, и зачастую отличного качества.

Мускат белый Красного камня, Крымская Мадера, Чёрный доктор, Качинское Каберне... глаза разбегаются от этого великолепия. Как говорится в анекдоте: «Всё такое вкусное...».

– Михалыч! – слышу громкие, и уже слегка нетрезвые голоса, – Ты чего там застрял?! Подгребай к нам!

Из за столика машет мне Костя Синицин. Рядом с ним Володя Лотарев и Толик Юшкин. Вся наша компания в сборе.

– А вы здесь чего? – удивляюсь.

– Главный прислал, за тобой присмотреть, – комментирует Костя.

Ему такие мероприятия в новинку, и Синицын непрерывно вертит головой. Пускай ресторан ЦДТ не уступит «Праге» в изобилии блюд, но вот количество красивых девушек вводит его в ступор.

– Спасать тебя пришли! – заявляет Лотарев, – Бондарь так и сказал, загинается мол ваш брат-писатель ОТ ЛЮБВИ!

Долговязый и губастый Володя Лотарев похож на троечника из «Ералаша». От него всё время ждёшь, что он скажет какую-нибудь глупость, и он почти всегда оправдывает эти ожидания. Самым невероятным образом к нему моментально липнут совершенно незнакомые женщины.

Мне кажется, он сам не знает, как это получается, и просто привык к происходящему. Вот и сейчас проходящая мимо блондинка в эффектном платье-тунике «обновляет» его бокал и одаривает кокетливой улыбкой.

Это его качество приводит в бешенство Володькину супругу. Она дико ревнует и регулярно выгоняет Лотарева из дома с фразой; «иди туда, где ночевал». Совершенно неэффективная, на мой взгляд, тактика, поскольку человека с такой магической способностью лучше держать под присмотром.

Обычно, Володька уходит жить на пару недель к холостому Толику Юшкину. Ко мне было нельзя, у меня была Алёна.

«Номер 12... вино десертное, красное», – объявляет ведущий.

Конечно же, это дегустация. Напитки пьются «вслепую», после чего жюри выставляет оценки. Мнение остальных собравшихся, коих оказывается не так мало, никого не интересует. Мы просто приобщаемся к прекрасному.

– Старик, да что ты скис?! – хлопает меня по плечу Юшкин, – не сошёл ли свет клином на твоей Алёне! Вон какие вокруг королевщины порхают!

Проворная невысокая брюнетка приносит мне бокал и наливает туда немного вина из бутылки без этикетки. При этом она с любопытством стреляет глазками.

Девчонки и правда симпатичные. Нет в них ни холодного высокомерия вышколенных официанток, ни хищной любезности постоянных посетительниц, которых швейцарам велено пускать «для атмосферы».

«Дорогие гости, заверяю вас, что все девушки, которые помогают нам на сегодняшнем мероприятии, являются сотрудниками винодельческих предприятий. Прошу относиться к ним вежливо и уважительно, а сейчас поприветствовать аплодисментами!», – объявляет ведущий.

Костя и Толик громко хлопают, Лотарев свистит, хулигански засунув в рот два пальца. Брюнетка рядом с нами мило краснеет.

Чёрт, я же хотел скандал устроить. Дебош. К таким невинным созданиям и приставать как-то неудобно. Или, наоборот, «винным»... ведь они работают на винзаводах. Крепкое бархатистое вино постепенно обволакивает мозг своими парами. Отсюда и странные мысли.

Помню только, что в «прошлой жизни» нашей гоп-компании на дегустации не было и прошла она чинно и благородно.

– Закуска дрянь! – заявляет Лотарев.

В блюдах на столике разложены слабосолёный сыр и безвкусное печенье. В открытых бутылках стоит минеральная вода.

– Милая, выручай, – Лотарев ловит за локоть пробегающую блондинку. Та внимательно слушает, чуть наклонившись вперёд, так что из-под туники выглядывает эффектная грудь. – Можно нам какой-нибудь нарезочки, колбаски...

– Закуска должна быть нейтральной по вкусу, чтобы оттенять букет вина, – объясняет она.

– А вы правда на винзаводе работаете? – вступает Костя Синицин. – А кем если не секрет?

– Правда, – она смущается, – я лаборант.

– Вот! – пихает меня локтем Костя, – тебе же надо пообщаться с работниками, обзавестись контактами...

– А у нас тут товарищ, – подхватывает Юшкин, – он знаменитый писатель... я, правда, тоже знаменитый писатель, но он ещё знаменитее...

Блондинка впивается в меня заинтересованным взглядом.

– Он знаменитее, – пихаю пальцем в Юшкина, – и как раз пишет книгу про виноделов.

– Нет, он! – Юшкин возмущён моим коварным манёвром.

– Юля! – разносится над нашим столиком строгий голос, – ты почему от работы отвлекаешься? Мы сюда не веселиться приехали!

Рядом с нашим столиком возникает мужчина с простым, даже я бы сказал крестьянским лицом, но в дорогом импортном костюме, вот вроде бы и фасон тот же, что висит в секциях мужской одежды наших магазинов, но качество пошива и, самое главное, ткань, сразу выдают импорт. И, скорее всего, не из стран народной демократии а из стана идеологических противников лучшей в мире страны. На лацкане костюма прицеплен прекрасно узнаваемый значок депутата Верховного Совета СССР.

– Тут товарищи говорят, что они писатели, – оправдывается блондинка, – что-то про виноделов пишут.

– Нехорошо, товарищи, – качает головой депутат, – просили же к девушкам не приставать... Зачем же вы им головы морочите? Это вы тут развлекаетесь, а они работают! Большое дело делают! Не то что некоторые, – он с осуждением окидывает меня взглядом.

Видимо, мужчина без галстука на официальном мероприятии не вписывается в картину мира товарища депутата.

– Сергей Геннадьевич, а вы меня не узнаете? – спрашивает Юшкин.

Тот прищуривается, а потом радостно вскидывает брови:

– Юшкин Толя, правильно? Значит, не соврали, бисовы души! И правда – писатели! Юленька, неси наше марочное!

– А как же дегустация, Сергей Геннадьевич? – удивляется блондинка.

– Без тебя обойдутся, – отмахивается он, – эти ребята для нашего совхоза могут сделать очень и очень многое.

С этого момента наш столик откалывается словно льдина от большого айсберга дегустации и отправляется в гордое одиночное плавание. Сергей Геннадьевич Бубун оказался директором совхоза имени Сидора Артемьевича Ковпака, что в окрестностях Ялты. Не побоявшись конкуренции и наплевав на спущенный сверху план, он набрал технологов с агрономами и открыл собственное производство.

Не иначе нашёл поддержку в районном, а то и в республиканском управлении сельского хозяйства, да и без партийных органов, наверняка, не обошлось. Сейчас не то время, чтобы какому-то директору совхоза, пусть даже и депутату Верховного Совета СССР, позволили самоуправство.

– На международной выставке в Ялте в 70-м году наш портвейн серебряную медаль взял! – горячится он, – Магарах обошёл... Инкермановских обошёл...

Интуиция подаёт мне отчаянные знаки. Не тот ли это «товарищ», которому наш главный наобещал писателя. И Толик Юшкин слишком подозрительно оказывается с ним знаком.

– Портвейн, это хорошо! – ловит ключевое слово Лотарев. – Без портвешка в душе тоска, не твёрд ни разум, ни рука.

Юля смотрит на Лотарева с обожанием.

– Юля, неси портвейн, – командует депутат.

Блондинка по какой-то причине в одиночку не справляется. Вместе с ней появляется брюнетистая и фигуристая Галя. Скорее всего, Гале не хочется бегать с бутылками по залу и хочется посмотреть на писателей. Компания к её появлению относится с большим одобрением.

– Толя, – говорю, когда депутат покидает нас на время по естественной надобности. – это судьба. Вы с товарищем Бабуном практически приятели. Девушки у него на заводе вон какие знойные. Езжай вместо меня.

Юшкин внимательно разглядывает черноглазую Галю через бокал с портвейном.

– Да и чёрт с тобой, – соглашается вдруг он, – поеду. Раз уж ты такой баран, что с тобой поделаться?

Я выдыхаю, словно с плеч падает груз весом в тысячу тонн.

– Полегчало? – Лотарев опрокидывает мне в бокал остатки портвейна из бутылки.

Чокаюсь с ним и пью до дна, мне действительно полегчало. В этот момент мне кажется, что Лотарев подмигивает Толику, но списываю это на пьяную гримасу. Тем более что он и Юле подмигивает сразу после этого. Та демонстрирует пример чтения мыслей на расстоянии и без единого слова отправляется за следующей бутылкой.

Дегустация неожиданно заканчивается, но нам это не мешает. Из зеркального зала мы плавно перемещаемся в «Зимний сад», а к аскетической закуске добавляются фрукты и, кажется, дичь.

Мы танцуем, я с Галей, а Толик с блондинкой. Депутат что-то втолковывает Косте Синицину, а Лотарев спит, положив курчавую голову на скатерть.

Потом я помню заднее сиденье такси. Такой тёплый и в то же время немного пыльный запах бывает только в такси. После меня куда-то тащат.

– Ключ под ковриком, – бормочу я на тот случай, если тащат домой.

Тыдых-тыдых... тыдых-тыдых... Мою постель почему-то ритмично покачивает. Открываю глаза и вижу нависающий столик и узкую полоску окна, в котором проносятся берёзки.

Какого хрена я оказался в поезде?!

Глава 4

– Серёга, открой окно, а то тут такой духан стоит, что можно топор вешать, – слышу я голоса.

Открываю глаза, и голову буквально пронзает болью. Толком ещё ничего не соображаю и на автомате спрашиваю:

– Где я?

Ответом мне становится смех сразу двоих.

– Ну ты, мужик, даёшь! Ты в поезде Москва – Симферополь. Это ж надо так нажраться и не помнить, как в поезд сел.

С трудом я сажусь, голова просто раскалывается, а во рту очень гадкое ощущение. Да ещё и пить хочется.

И да, я в поезде. В купе, если быть точным, четыре полки обитые коричневым дерматином, сетчатые полочки под полотенца, столик, на котором разложена какая-то снедь, осветительные плафоны тусклого пластика, перестук колёс, весело мелькающие за окном столбы и деревья. Ну и два моих попутчика. Одного из них, как я понимаю, зовут Серёга.

– Мужики, есть что попить? – спрашиваю я и кряхтя сажусь.

– Держи, болезный, – отвечает мне один и, порывшись в сумке, достаёт оттуда стеклянную бутылку Эссентуков.

– Володь, ну что ты ему минералку суёшь? Не видишь что ли, что человеку очень плохо оттого, что вчера было хорошо? Тут надо поправлять здоровье совсем другими методами. И как звать-то тебя, болезный?

– Фёдор, – мой голос буквально скрипит как несмазанная телега, – но можно просто Михалыч.

Надо отдать должное этому Володе, он сразу всё понимает и через секунду вместо зелёной бутылки минералки появляется сразу две другие, на сей раз уже коричневые.

– Держи, Федор, – говорит Серёга, невысокий, плотно сбитый мужик лет примерно на пять-семь меня старше, – Это рижское пиво Дижалус. Корешок из Латвии привёз целый ящик. Поправляй здоровье, не стесняйся.

Он ловким движением сбивает пробку прямо об столик, проигнорировав специальную открывашку под ним, и протягивает мне пиво, видимо его только недавно вынули из холодильника, так как бутылка запотевшая.

Обычно я не похмеляюсь, не имею такой привычки. Но сейчас голова работает словно троящий движок, с перебоями. Поэтому как в тумане беру привет из Латвии и делаю сразу несколько больших глотков.

Я не большой любитель тёмного пива, вернее, я его люблю, но предпочитаю пить портеры в более камерной обстановке, но сейчас это то что нужно.

Характерная для портера сладость карамелизированного солода смывает мерзкий привкус изо рта, а достаточно крепкий градус разгоняет из головы похмельную муть. Берёзки за окном перестают опасно раскачиваться, словно я стою на штормовой палубе, а колёса стучат не по вискам, а как им и положено, по стыкам рельсов.

– Ну что? Полегчало? – участливым голосом спрашивает Серёга.

– Есть такое дело, – отвечаю.

– Ну вот и славно, – кивает он, – теперь тебе бы ещё в вагоне-ресторане чего-нибудь навернуть, желательно мясного и горяченького и всё, считай, что заново родился. А лучше бабу, – хохочет он, – но где её сейчас найдёшь!

– Спасибо, – отвечаю я, – сколько с меня за пиво?

Мой пиджак, в котором я отправился в Прагу, висит на крючке рядом с окном. Нагнувшись и посмотрев под стол, я вижу ещё и свой парусиновый чемодан с медными уголками. Всё страньше и страньше, как говорила Алиса.

– Да хорош тебе, мужик. Медицина у нас бесплатная. – смеётся Володя.

Исключительно дружелюбные и приятные попутчики мне достались. Их голоса кажутся мне смутно знакомыми, и эта мысль не даёт мне покоя, словно в памяти сидит какая-то заноза. Но будем разбираться с проблемами по мере их поступления.

– Спасибо, парни. Пойду-ка я в тамбуре постою. Проветрюсь немного.

Сначала надо узнать, как я вообще попал в этот поезд. И лучший способ для этого – прямо сейчас подойти к проводнику, ну или к проводнице. Без их участия моё, несомненно, бесчувственное тело не могло оказаться в этом купе.

Я беру свой пиджак, по идее сигареты, а такж, документы и билет должны быть в нём и выхожу в коридор.

Поезд идёт уже несколько часов, так что вагон уже приобрёл черты места обжитого и освоенного с точки зрения дорожного быта. Это, конечно, не плацкарт, где к финалу поездки попутчики становятся практически родственникам. Уровень комфорта и уединения здесь другой.

Но уже носятся по коридору дети, которым трудно усидеть несколько часов в одной клетушке. Сейчас нет гаджетов, в которые можно уткнуться чадом носом, передоверив его воспитание авторам туповатых мультиков.

Как и все дети на свете, эти моментально знакомятся и сколачивают банду из двух девочек лет десяти, пацана немного постарше и мелкого карапуза младше-детсадовского возраста, который не совсем понимает, чем заняты старшие, но таскается за ними щенячьим хвостиком.

Мимо меня величаво проходит молодящаяся дама лет пятидесяти в совершенно домашнем халате и меховых тапочках. Где-то в глубине вагона, ближе к туалету слышен звон гитары и девичий смех. Двери в большинстве купе приоткрыты, кондиционеров не имеется и, таким образом, создаётся естественная вентиляция, благо что окна и в купе и в коридорах опущены и создают необходимый сквозняк.

Надеваю пиджак и тут же запускаю руки в карманы. Так и есть мой щёгольской, привезённый с Кубы одним из наших дипломатов и благополучно у него выигранный пару лет назад, бумажник на месте.

Как и командировочные, которые я получил крупными купюрами, путёвка в ведомственную гостиницу, два трояка, пятёрка, а также мелочь, примерно рубль мелкими монетами.

Моё удостоверение члена Союза писателей оказывается во внутреннем кармане пиджака. А вместе с ним сложенный вчетверо лист бумаги.

Развернув его, я понимаю, что на самом деле надобность искать проводника пропала. Объяснение вот оно, я держу его в руках.

Это оказывается записка, которую кто-то из моих друзей, скорее всего, Синицын, это его манера, оформил, пародируя казённые бумаги с их извечным канцеляритом. Да ещё и на моей же печатной машинке напечатал, козлиная. Эту западающую вверх «л» я ни с чем не перепутаю.

«Данная квитанция выдана для сопровождения мужского тела, в количестве 1 (одна) единица, которое силами подсобных рабочих погружено в поезд Москва – Симферополь.

Данное тело принадлежит молодому талантливому автору Фёдору Михайловичу Евстигнееву, и направляется в Крым для написания шедевра советской литературы, а также для того, чтобы оное тело проветрило мозги и привело их в порядок.

Погрузка тела в поезд была произведена после консилиума, в котором принимали участие мы, нижеподписавшиеся.

Итогом консилиума стал вердикт, что данное мужское тело решило загубить свою карьеру из-за одной несознательной особы женского пола, которая своим поведением, несомненно, позорит высокое звание советской женщины и комсомолки.

И нижеподписавшиеся приняли трудное, но необходимое решение довести вышеупомянутого товарища Евстигнеева до нужной кондиции, а потом, после того как вышеупомянутый эту кондицию достигнет, погрузить его в поезд».

Дальше идёт дата и подписи.

Ну и приписка ручкой, видимо, сделанная уже в купе.

«Михалыч, ты, конечно, не обижайся, но ты чужак на букву „М“, раз решил отказаться от поездки в Крым ради того, чтобы вернуть Алёну. Попей там вина как следует, загни до черноты и обязательно познакомься с девушкой, а лучше даже с несколькими.»

– Вот уроды, – прошипел я и стукнул кулаком по окну в коридоре, – сами вы чужаки на букву «М».

В голове крутятся ещё много ругательств касательно моих друзей, но от их обдумывания меня отвлекает женский голос.

– Я вижу, вы проснулись, товарищ Евстигнеев.

Оборачиваюсь и вижу дородную пожилую тётку в форме сотрудника министерства путей сообщения, очевидно, это проводница моего вагона.

– Да, всё верно, – говорю.

– Сказать по правде, я не собиралась пускать вас в поезд, – строго говорит она. – Мне вдрезбег пьяные в моём вагоне не нужны.

– Так и не пускали бы, – в сердцах отвечаю ей.

Ваши друзья оказались очень упорными и убедительными, – объясняет она, – Кроме того, за вас поручился сам товарищ Бубун, депутат Верховного совета СССР. Он, как и вы, едет в Крым. Пришлось пустить. Но учтите. Дебоша в поезде я не допущу!

– Обещаю, что буду паинькой, – я понимаю, что зря сорвался.

Тем более, представляю себе пьяных Лотарева с Юшкиным и от души ей сочувствую. Юшкин как-то раз убедил пилотов малой авиации за водкой на «кукурузнике» лететь. А здесь какой-то поезд.

Тетка кивает и собирается уходить, но я её останавливаю.

– А можно чаю? Простого чёрного, покрепче и без сахара.

– Конечно.

Проводница уходит к себе, а я прохожу мимо её купе в тамбур. Достая сигареты, спички и, пуская дым в потолок, начинаю думать.

Наверняка мужики ещё и главному сегодня доложили о том, что отправили-таки строптивого меня в Ялту.

Сходить с поезда в каком-нибудь Орле или в Курске с Харьковом не вариант. Прослышу ненадёжным человеком и «истеричкой». Физически останусь цел, зато репутация окажется «с инвалидностью».

Поезд, как говорится, ушёл, и я внутри него. Хотя, что я мандражирую? Всего-то и нужно не повторять прошлых ошибок и держаться подальше от тех, кто в прошлый раз и привёл меня на то ялтинское шоссе.

С этой светлой мыслью я возвращаюсь в купе.

– Проветрился, сосед? – спрашивает меня Серёга. – Посвежело в голове? Может, чтобы не скучать в картишки перекинемся?

И тут я замираю как громом поражённый. Я же знаю, кто мои попутчики. Эти добренькие Володя и Серёга. С них-то всё тогда и началось.

Они катались. Самые обыкновенные советские шулера, которые катаются по стране и обыгрывают лохов вроде меня. В прошлый раз мы как начали расписывать пули сразу после Тулы, так до самого Симферополя и не останавливались. Первые две игры мне карта шла, а потом всё поменялось.

Я тогда понадеялся на свою память и игровые таланты. Не зря, мол, весь Союз Писателей в преферанс окучиваю, и еще остальным деятелям культуры и искусства от меня достаётся. Даже обрадовался тогда, что бюджет свой курортный пополню. Представил себе номер в «Ореанде» с балконом на набережную.

Серёга тогда «нефтяником» представился. Мол едет с вахты, греться под южным солнышком. У таких всегда деньги водятся, и расстаются они с ними легко. Володя напирал на прибалтийские знакомства, Латвия тогда для всего Союза была «маленькой границей». Не слишком умело разыгрывали случайное знакомство, но я тогда не настолько разбирался в людях. А уж когда начал выигрывать...

Это потом я понял, что они так закидывали удочку, подкармливали рыбку. Глупый карась наживку проглотил и в итоге остался вообще без денег. Я их пытался просчитывать, а меня просто и грубо разыграли «на пару», как обычного лоха.

Когда двое играют против одного и могут обмениваться информацией, то все мои карты для них, всё равно что открытые.

Я все командировочные тогда спустил. Даже те самые два тройка и пятерку. Рубль мелочью мне благородно оставили.

Ну а с этой самой нищеты и начались все мои дальнейшие неприятности. Правда сейчас я уже учёный и таких глупостей не наделаю. Всего-то и нужно, чтобы деньги, которые находятся в моём кошельке его так и не покинули.

– Нет, – говорю, – что-то башка не варит. Я лучше чайку попью.

– Дело твоё, – равнодушно отвечает Серёга, – отдыхай, мы пока пойдём, пройдемся.

Не зря поезд «Москва – Симферополь» в определённых кругах называют «золотым». Для всех любителей незаконной наживы он набит «бабками» по самую крышу, как инкассаторский грузовичок. Вот только вместо зубастой охраны со штатными пистолетами, хранятся они у расслабленных оболтусов, у которых все мысли о тёплом солнышке, ласковых волнах и нежных девичьих округлостях на крымских пляжах.

Люди едут отдыхать, и везут с собой сбережения, накопленные иногда за целый год упорного труда. Ехать долго, скучно... А тут как раз соседи весёлые, говорливые...

– Толь, может, не надо? – слышу я женский голос буквально из соседнего купе.

– Люсь, да мы по копейке всего, ради интереса, – оправдывается мужской.

– Пошли к нам, у нас места побольше, – это точно Серёга, его нарочитое северное «оканье» теперь сразу узнаю. В духе «будете у нас на Колыме...». Тоже мне вологоддец недоделанный.

Ну вот и нашли себе жертву. Едет к морю какой-нибудь инженер или учитель. А может и простой работяга. Семью на отдых везёт.

С одной стороны, это не моё дело. Каждый сам кузнец своего счастья, ну или неприятностей.

А с другой стороны, какого хрена Евстигнеев? Ты же нормальный русский мужик. Не какая-то там гниль малодушная! Ну не станешь ты с ними играть и что?

Будешь по-сиротски сидеть на уголке своей нижней полки и смотреть, как эти два ублюдка обувают какого-то лоха? Будешь смотреть на это, всё понимать и ничего не сделаешь? Своя рубашка ближе к телу, так Евстигнеев?

Чтобы не сталкиваться с ними снова иду в тамбур и вытягиваю из пачки пижонского «Кэмела» сигарету. Мой очередной трофей. Веня Кулесов, мой знакомый из Мосторга привёз из их турпоездки, на загнивающий Запад, а потом отдал ими карточный долг.

Сигареты «Кэмел», в Советском Союзе получившие прозвище «Самец»

(для «эрудитов»: прозвище появилось задолго до фильма «Бригада»)

Сказать проще чем сделать. Обыграть этих ловкачей я со своей практикой и опытом смогу, даже если они учились своим фокусам у самого Игоря Кио. Вагонные каталы – масть далеко не высшего расклада. Руки у них быстрые, а вот мозги не очень, иначе бы они играли в других местах и по другим ставкам.

Вот только в одиночку им шустрить никто не позволит. Наверняка эти умельцы правильных для себя раздач и только им понятных способов коммуникации в доле с сопровождающими состав ментами. А то и с начальником поезда лично.

Ну, пойдёшь ты к ментам. Ну, поднимешь шум. А толку-то? Тебя же и ссадят на ближайшей станции. А то и чего похуже. Нет, тут надо действовать по другому. Вот только так?

А потом, когда огонёк сигареты доходит до фильтра и обжигает пальцы, мне в голову приходит идея, настолько яркая и дерзкая, что я бросаюсь вагон едва ли не бегом.

Стучусь к проводнице. Та открывает с дежурно-недовольной физиономией.

– Подскажите, – спрашиваю, – а товарищ Бубун в каком купе едет? Хочу лично поблагодарить его за участие.

* * *

Депутат Верховного совета и начинающий, но уже успешный винодел Сергей Геннадьевич Бубун, следует в свой совхоз обитая в отдельном СВ.

– Фёдор, – кажется, что искренне радуется он мне, – ну как твоё самочувствие? Друзья твои мне вчера рассказали про сердечные раны. Поверь человеку бывалому и опытному. Горный воздух и доброе вино излечат и душу, и тело! А уж какие девушки у нас! И красивые и ласковые и работающие. Мигом эту стерву московскую забудешь.

– С утра уже полегчало, – говорю. – Кстати, как там Юля и другие ваши совхозницы? Они тоже в этом поезде домой возвращаются?

– Вот шельмец, – смеётся он, – они в плацкарте едут. Купе вчера персонально для тебя выбили. Всё-таки член Союза Писателей. Но ты учти, пока в поезде, я лично за ними присматриваю. Никаких вольностей! Да их и едет двое всего, Юля и Галя. А остальные это девочки из вашего Дома Моды. Ты даже не представляешь, сколько они посуды перебили, пока мы их выдрессировали. Но всё хорошо прошло! Напоим Никсона нашим хересом!

– Нет-нет, я с пониманием, – отвечаю, – просто скучно вот так ехать. Мне тут соседи по купе пулю расписать предложили, так я сразу про вас вспомнил. Вы вчера рассказывали, что хорошо играете.

Бью наугад, но с очень большой вероятностью попадания. Что вчера на дегустации было сказано, уже никто не упомнит. А советскому руководителю не играть в преферанс, это всё равно что дворянину в девятнадцатом веке не уметь плясать мазурку и стреляться на дуэлях. Позор.

Я попадаю в точку, у депутата сразу загораются глаза.

– Почему нет, если да? Я еду один, в СВ нам никто не мешает. Приводи их сюда, сыграем!

Глава 5

– О, пропащий вернулся! – радуется Володя.

– Как самочувствие? – беспокоится второй попутчик, – если покемарить охота, можешь наверху прилечь, на моём месте. Мы тихо посидим, не помешаем.

Понятно, что я им уже не нужен. На столе лежит расписанный тетрадный лист с «пулей». Пока по чуть-чуть. Всего 10 очков в гору. Договорились, небось, играть по мелочёвке. «На интерес». По копейке к примеру, чтоб не страшно было. После ставки, понятное дело, подрастут.

А вот «фраера», которого они собрались окучивать, на месте пока нет. Слышно, как за стенкой он спорит с женой, уверяя, что водку пить не будет и играть станет «на просто так». Наивная ложь.

Казалось бы, жертва сложная. Как можно обчистить мужика, прямо под оком бдительной супруги? Но всё имеет две стороны. Опасаясь гнева жены больше, чем укора совести, лох сам становится соучастником «кидал». Так что без проблем отдаст долг, лишь бы шум не поднимать. Может и вещами расплатиться, часы с руки снять, или перстень, если имеется. Жене потом соврёт, что «потерял».

Кому-то, возможно, было бы неприятно, что я использую слово «лох». Скажи такое, кому в глаза – обидится же. Уважаемый человек, ценный сотрудник, семьянин... а его «лохом», кроют.

Я делаю это нарочно, особенно в разговоре с самим собой. Вещи надо называть своими именами, особенно если имена эти неприглядны и унизительны. «Коррупционера» – вором, «даму полусвета» – шалавой, а «простого человека», который сам несёт свои деньги мошенникам – лохом.

Важно понимать, что эти улыбчивые парни не испытывают к тебе ни симпатии, ни сочувствия. Им на тебя в принципе всё равно, как на овцу, которую стригут на шерсть, или на курёнка, которого отправляют в суп.

И нет в этом ничего обидного. Я в глазах этой парочки точно такой же лох. Только лох зубастый.

– Уже нашли с кем сыграть? – говорю между делом.

Небрежно так, но с лёгким разочарованием.

– А ты что, надумал? – спрашивает Володя, – можем и на четверых пулю расписать. Дело недолгое.

Шмотки мои и сигареты импортные они уже давно «срисовали». Не удивлюсь, если и деньги в кошельке пересчитали, пока я спал. И также аккуратно положили обратно. Зачем красть, если сам отдам, только позже? В отношении меня они не спешат. В одном купе едем, дорога дальняя. Никуда не денусь.

– Знакомый предложил, – говорю, – но раз уж вы начали, то, значит, огорчу его.

– Пускай приходит! – радуется Серёга.

Мотыльки к ним сами на огонёк слетаются.

– Не пойдёт он сюда, – морщусь я, – там такой гусь, его с места не сдвинешь. В СВ едет, с полным комфортом. Да ладно, парни, не берите в голову! Пойду, найду ещё кого-нибудь.

Парни переглядываются.

– А что за гусь? – любопытствует Володя.

– Директор винзавода, – говорю, – я с ним в Москве познакомился. Вернее, не с ним, а с его работницей. Есть там такая Галя, так у неё такая зад...

– Ты про Галю погоди, – перебивает меня Володя. – Ты ж не с Галей играть зовёшь.

– Нет, с Галей я другое хочу, – грустнею я, – самое главное, что и она не против... А этот прицепился, «сыграй, да сыграй». А вдвоём какая игра?

Вагон СВ для моих попутчиков – территория неизведанная. Хотя бы потому, что нет у них никакого основания в нём оказаться. Едут в нём люди ответственные, праздного шатания не одобряющие.

Можно, конечно, подловить их в вагоне-ресторане, но это подразумевает сложную комбинацию, на которую у вагонных катал нет ни времени, ни желания. Вон курортники в каждом купе, только успевай нахлобучивать. Лучше синица в руках.

Но тут пресловутый журавль оказывается не в небе. Его, можно сказать, преподносят на блюдечке с голубой каёмочкой.

Эмоции двух бедняг читаются по их глазам. «Ну что мы поймеем с бедняги-отпускника? Сотни три накопленных рублей? Часы „Слава“ с пятнадцатью амнями? Потёртое обручальное колечко, чтобы сдать в ломбард? Случается и такое, в азарте отдают последнее. А советский директор может и пару тысяч на столе оставит, не поморщившись. Ну а если в азарт войдёт, то тут не просто золотая жила, тут целый прииск...».

– Пойдём, перекурим? – предлагает Володя.

Чувствуется, что из них двоих он более заводной. Наживку проглотил вместе с удочкой.

– А этот твой директор, он что за мужик? – уже в тамбуре спрашивает осторожный Серёга.

– Спокойный, – говорю, – положительный. Совхоз у него, и при нём винзавод, – сдаю я Бубуна с потрохами.

Каталы переглядываются. Угощаю их «Кэмелом», намеренно светя импортные сигареты.

– Вот, угостил. – незаслуженно приписываю товарищу директору щедрость и некоторую легкомысленность, – Бери, говорит, Михалыч, всю пачку. У меня такого добра много.

– Пошли, – приятельски хлопает меня по плечу Володя, – невежливо заставлять человека ждать.

Про соседа-курортника они уже забыли. Забавно, бедняга даже обидится, наверное, не зная, мимо какой неприятности его жизнь пронесла.

«СВ», что означает, всего лишь «спальный вагон», как будто в плацкарте пассажиры по умолчанию уснуть не могут, роскошью не поражает. Всё отличие от купе заключается в отсутствии верхних полок и мягких «спинках» вдоль стен, на которые можно откинуться, как на диване.

Но особое отношение чувствуется. Шторки на окне сияют чистотой, словно только что выстираны и выглажены, стол застелен белой накрахмаленной скатертью. Это даже лучше, карты скользить не будут.

На деревянной вешалке висит пиджак, перевёрнутый лацканами к стенке. Об этом я с товарищем народным депутатом заранее договорился. Парни простые, объяснил я ему, заробеют ещё и играть не сядут. Тот посмеялся моей осторожности, но значок убрать с глаз позволил.

Бубун приветствует новых знакомых, а я, даже не присаживаясь тороплюсь к выходу.

– Фёдор Михайлович, ты куда? – удивляется Бубун.

– Да я, это... думал девчат ваших сходить проведать, – говорю, подмигивая Володе, – да и играю я так себе... посредственно играю, честно сказать.

– Ты девушкам голову не морочь, – хмурится винодел, – я за них ответственность несу. Должен вернуть домой в целости и сохранности.

– Успеешь ещё, Федя, – самым некомпанейским образом осаживает меня Володя, – Первым делом, как известно, самолёты, а девушки потом. Садись, вчетвером игра веселее.

Губит жадность фраеров. Мало им одного «жирного гуся», решили ещё меня под шумок обобратить. С искренним вздохом сажусь играть. А за «Федю» я вам отдельный «штраф» выпишу.

Серёга ловко расписывает «пулю», и мы уговариваемся о правилах. Немного на свете игр, которые позволяют так много разночтений, как преферанс. Иные конвенции так различаются, что думаешь, об одной ли игре вообще идёт речь.

Каталы играют «Ленинградку» с жёсткими и азартными дополнениями. Так, после каждого круга раздач следуют обязательные двойные «распасы», которые даже при небольших ставках позволяют вписать «в гору» солидные штрафы.

Такие особенности мне знакомы. Обычное дело в игре против «математиков», честных и сильных игроков, побеждающих за счёт стратегии и аккуратности. При них возрастает роль «везения», а значит, ловкости рук. Бубун такими правилами немного смущается, но я, как истинный лох, пожимаю плечами, и он тоже соглашается.

Первую «пулю» расписываем минут за сорок. Бубун остаётся в небольшом плюсе, всего шестьдесят две копейки и мы, смеясь, ссыпаем ему в кучку свой проигрыш. Володя предлагает поднять до десяти копеек, «а то столько меди ни у кого не наберётся». Возражений идея не находит.

Володя ведёт себя эмоционально, много шутит, иногда даже смешно. Серёга сидит, насупившись, делая вид, что расстроен. Я играю авантюрно, часто остаюсь без одной-двух взяток при заявленной игре и даже получаю замечание от Бубуна, чтоб не так сильно гусарил.

Мне важно увидеть, какой трюк «исполняют» каталы. В арсенале у мелких шулеров их, обычно, немного. Слишком ленивы они, чтобы совершенствовать своё мошенническое мастерство. Изучат пару «финтов» и дурят с их помощью доверчивое население.

И вовсе не обязательно это – ловкость рук. Способность к карточным фокусам присутствует далеко не у всех. Намного чаще используются разные трюки, которые помогают узнать расклад на картах своего соперника.

Как оно бывает в обычной, дружеской игре? Сидит в квартире компания, режется в дурака и раз за разом «заваливает» какого-нибудь лоботряса. Не везёт ему, и всё. С чего бы ни зашли – всегда не в масть. И невдомёк ему, что сзади стоит шифоньер и в полированной двери его все карты отражаются как в зеркале.

Много в квартирах таких «отражателей». Серванты со стеклянными дверцами, экраны телевизоров, которые, правда, сейчас за великую редкость, светильники, окна... Даже полированная поверхность стола «зеркалит» умелому глазу. И это хорошо, когда такой бестолковый товарищ с приятелями сражается и за свою глупость только шелбаны получает.

В СВ никаких подобных поверхностей не обнаруживается, но, вернувшись с первого перекура, Володя небрежно кладёт на стол массивную отполированную стальную зажигалку, похожую на американскую «Зиппо». Теперь на своей раздаче он видит все наши карты.

Дальше, дело техники. На раздающего, который сидит на прикупе, никто не обращает внимания. А тот между делом, семафорит партнёру. Если трёт нос, к примеру, то на прикупе мусор. А если прикашливает, то Серёга серьёзно усилится, и можно объявлять игру. И коронное, если губы вытянуты в трубочку, то пора объявлять «бомбу» – распасовку втёмную с повышенными штрафами.

На следующей «пуле» мы, предсказуемо, проигрываем. Немного, депутат двенадцать рублей, а я семь.

Это только в голливудском кино лохам сразу дают выиграть. Не выигрыш разжигает азарт, а желание отыграться. Не за деньги ведь садятся играть поначалу. Ради победы. Проигрывать обидно, душа требует реванша. Как трясина затягивает утонувший сапог, с каждым рывком всё глубже.

За окном темнеет. Очень вежливая и симпатичная проводница приносит чай с лимоном в тяжёлых подстаканниках. Всё таки, в вагонах СВ обслуживание отличается. После очередного перекура мы «проседаем» ещё на несколько рублей, а Серёга сразу на сорок. У них с Володей даже перепалка между собой возникает. Талантливо играют парни. С душой.

– Красивая штука, – неожиданно беру в руки володину зажигалку.

Тот аж дёргается от неожиданности. Решил, наверное, что я раскусил его трюк.

– Продай, а? – прошу, – пятьдесят рублей за неё дам!

Депутат даже оборачивается, удивлённый моим бескультурным поведением.

– Не могу, – пугается Володя, – друг подарил. Дорога, как память.

– Сто!

– Сказал же, не могу, – сердится он.

– Ну ладно, – разочарованно кладу зажигалку на стол.

Володя аккуратно поправляет её, чтобы легла на правильное место.

В следующей «пуле» нам дают отыграться, но не слишком сильно. Чтобы итог был всё равно не в нашу пользу. Память человеческая имеет интересное свойство. Последнее произошедшее с ней действие она ценит намного сильнее, чем всё, что было раньше. Делал тебе человек годами подлянки, а потом взял – и пивом угостил. И верится тебе, что не мудак он, а причины у него были так скверно поступать. А вот сейчас он – настоящий, хороший.

Вот и Бубун душой воспрял. Чувствует себя победителем, хоть и в минусе сидит. Плечи расправил и подбородок поднял. И я его движения копирую, потому как такая реакция для лоха – естественная.

– Давайте по рублю за вист, – предлагаю.

– А, давай! – поддерживает меня Серёга.

– Расчёт сразу, – предупреждает Володя, – в долг не играем.

Для депутата это последняя капля. Ему, как человеку денежному, подозрение в ниществе неприятно. Не то, чтобы он привык купюрами швыряться. Наоборот, видно что мужик он правильный, советский. Его задевает невысказанное обвинение, что он слово своё может не сдержать и долг не отдать.

– Играем, – говорит Бубун.

Володя берёт в руки колоду.

* * *

– ...Итого триста семьдесят четыре рубля. Неплохо ты нас обставил, – это уже четвертая по счёту игра и каталы позволяют себе фамильярность в отношении Бубуна.

Это нормально, по-другому и быть не может.

В последней игре Володя с Серёгой резко поменяли тактику раздачи карт и дали Бубуну выиграть крупно.

И как это было сделано! Например, один раз Володя сдал Серёге шесть старших карт одной масти, два туза и марьяж. Любой бы тут заказал девять взяток.

Серёга так и сделал. И в результате остался без двух...

– Ложимся, – говорю я Бубуну. Тот не стал вистовать на девятерной. Как говорится на девятерной вистуют только пьяницы и студенты. Ну или люди, которые точно знают, что сейчас произойдёт.

Выход Бубуна первый и мы кладем карты на стол. Серёга смотрит расклад и тут же в раздражении швыряет карты в своего напарника.

– Руки тебе оторвать надо за такие расклады!

Я его понимаю. У меня семь пикушек, Туз и валет бубей и единственный козырь, восьмёрка червей.

У Бубна же семь крестей, две маленькие буби и тоже единственный козырь – семёрка червей.

Правда, мой выход и значит, что Серёгиного пикового туза заберёт козырем Бубун, потом то же самое мы провернём с крестовым тузом, и я закончу выходом в бубнового туза. Итого три взятки.

Так как ставки уже серьёзные, а рубль это как ни крути, много, Серёга сейчас разыгрывает целую комедию, наезжая на своего кореша. Повод у него железный. Шестнадцать в гору это сразу минус 160 рублей, целая зарплата.

Вот такими несложными, но действенными методами каталы и подводят ситуацию к тому что, будущая жертва не только отыгрывается за предыдущее, но ещё и в плюсе остаётся. Я, кстати, тоже проиграл в этой игре, но немного. Сорок рублей из общего выигрыша товарища директора мои.

А, значит, что время повышать ставки. Тем более что и наше путешествие вот-вот подойдёт к концу. До Симферополя осталось четыре часа. Как раз на одну хорошую игру.

– Вы как хотите, – говорит Серёга после расчёта с Бубуном, – но я хочу отыграться, – так что предлагаю финальную пулю расписать и на этом закончим.

– Отчего бы и не расписать ещё раз, – добродушно отвечает Бубун, открывая окно и раскуривая Camel, – угощайтесь, мужики.

Все, я не исключение, берут из пачки импортные сигареты и вскоре в СВ стоит такой дым, что хоть топор вешай. Если бы тут ехал кто-то другой, а не Бубун, то нам бы давно замечание сделала проводница, но, учитывая масштаб личности этого пассажира, она и слова не говорит.

– Также по рублю? – спрашиваю я.

– Я бы поднял ставки, – говорит Серёга, – последняя игра как никак. Может, по червонцу?

– Ты что, совсем?! – тут же откликается Володя. – Умножь на десять то, что сейчас спустил. Тебя Любка домой не пустит, если узнает, что ты две с половиной тысячи проиграл.

То, что по первоначальной версии они были незнакомы, парни уже подзабыли.

– Да ладно тебе. Не будешь трепаться она и не узнает. Да и не может мне два раза подряд так не фартануть. В общем, товарищи, я за игру по червонцу.

– Ну как знаешь, кретин, – Володя делает паузу, вот честно, ему бы в каком-нибудь провинциальном театре играть, а потом машет рукой и говорит, – а, черт с тобой я тоже за!

– Не возражаю, – улыбается Бубун, – для него это уже серьёзные деньги, но не чрезмерные.

– Не буду отрываться от коллектива, – говорю я.

– Вот и славно, – тут же откликается обрадованный Серега.

– Только ты огниво своё приberi, – говорю, – А то оно меня блеском своим так и манит. Отвлекает от игры, зараза. – дожидаясь, когда недовольный Володя спрячет зажигалку в карман, и потираю ладони, – Вот теперь поиграем.

– Блин... – карты неловко рассыпаются у Серёги в руке.

Сгребая их со стола, он словно бы нечаянно заминает угол на пиковом тузе.

– Приметно, – говорит Володя, – как дальше играть?

– У меня новая колода есть, – виновато говорит Серёга. – Упакованная. Сейчас открою. Ах ну да, новая колода. Конечно...

Серёга отточенным жестом открывает колоду и выкладывает её на стол.

– Давай Геннадич, сдавай.

* * *

Так, Володю вычеркиваем. Только что я сдал товарищу Бубуну лихой мизер, который закрыл каталу и народный депутат поймел на катале сразу сто вистов. А это, учитывая стоимость одного виста сразу целая тысяча рублей.

Появление новой колоды снимает с моей души всякие моральные терзания. Действие, как известно, равно противодействию. Так что я включаюсь в милую игру по правильным раздам правильным людям. Сложных финтов, понятное дело, опасаясь. С моими искалеченными пальцами, опыт у меня был много лет чисто теоретический. Но мне и нужно «засадить» их всего пару раз.

Только сдаю я не для себя, да и как это сделать учитывая то что при игре вчетвером сдающий не играет. Нет, я сдаю Сергею Геннадьевичу.

Но аккуратно, так чтобы каталы раньше времени не прочухали что их обувают.

Это дает, то что товарищ Бубун уже в неплохом плюсе. Теперь надо Серёгу засадить.

И как же хорошо что мы с каталами сразу обговорили второй круг распасов. И моя раздача последняя!

Еще минут пятнадцать и эту сладкую парочку ждёт большой сюрприз.

Сначала раздаёт Володя, а Серёга третий, они специально сидят друг напротив друга, так проще невербально общаться.

Первый круг распасов. Володя вскрывает первую карту, девятка червей. Нормально. Валет от Бубуна, король Серёги и я забираю тузом. Нормально, у меня на руках ещё две черви, но это малки. Тут я по идее ничего не возьму.

Следом Володя вышел своей второй картой. Снова черви, десятка. Бубун берёт королём, Серёга сбрасывает даму, а я восьмёрку.

Потом депутат вышел в пику. Я бью тузом, и забираю оставшееся, чтобы потом отдаться.

Нормально. Итого у меня четыре взятки. У Бубуна пять, Серега забрал одну, а Володя списал с горы.

Следующие два круга прошли ровно. Мы с Бубуном подросли ещё на восемь в сумме. Не критично.

А теперь я сдаю. Пора.

Если бы эти ребятки поменяли колоду, ещё раз, как они уже сделали перед распасами, у меня бы ничего не получилось. Но нет, это сделано не было. Ну это их проблемы.

Это только кажется, что рубашки карт одинаковые. На самом деле нет. Качество советской полиграфии такое что есть крошечные, практические незаметные дефекты. Где-то поплыл рисунок в уголке, где-то краска на четверть тона другая. В общем, для внимательного человека меток достаточно.

А так где их не было, поработали уже мои руки, оставив заметные только мне следы.

Так что, я тасую колоду, нарочито смотря то на одного, то на другого и при этом знаю, что происходит в моих руках, и как лягут карты.

Даю снять Володе, при должной сноровке и это не проблема а потом начинаю раздавать.

Ну вот и всё. Ловите товарищи, которые мне совсем не товарищи пламенный привет от члена союза Писателей СССР.

Вскрываю первую карту. Король пик.

Может показаться, что это плохо, но всё учтено. У Серёги бланковый туз. Десять в гору, получите и распишитесь.

Снова мой выход. Стараясь не улыбаться, вскрываю вторую. Король крестей. Гейм, сет и матч, как говорится.

— Да ты гонишь! — буквально кричит Серёга, кидая карты на стол, — Да как так-то?

Видать, он в этой паре младший, не умеет сдерживать эмоции. Володя напротив, внешне спокоен.

Хотя я понимаю Серёгу. У него в руке ещё один туз, крестовый. А кроме него полная бубновая масть. Итого десять взяток, плюс десять в гору и минус тысяча рублей из кошелька.

– А ну-ка, закатывай рукава! показывай, что там у тебя! – кричит Серёга, – это какая-то херня! Володя! Ты что молчишь? Как так-то? – как попугай повторяет он.

– Сергей, вы хотите сказать, что Фёдор шулер? – удивлённо спрашивает Бубун.

Он молодец и с соображалкой, как и с умением считать в уме у него всё в порядке.

Он уже прикинул что в итоге выиграл не меньше двух с половиной тысяч рублей. Даже для человека его калибра деньги не малые.

– Не буду я платить, – между тем распалялся Серёга, – не буду, и всё тут.

– Так, дружище, не кипятись, – отвечает Володя, – давай спокойно перекурим в тамбуре и ты остынешь, – извините мужики, мы сейчас, – это уже обращаясь к нам, – за бабки можете не переживать. Мы же не фраера какие-то.

Когда дверь за ними закрывается, я говорю Бубуну.

– Теперь будем ждать.

– Денег? – не понимает он.

– Нет, того как нас арестовывать будут.

Глава 6

– С чего ты взял? – удивляется Бубун.

– Может, конечно, бандиты придут, но я лично ставлю на милицию, – беру очередную сигарету, раскуриваю и продолжаю, – Это каталы, Сергей Геннадьевич, я сначала не понял, а потом, как понял. Из них получились бы неплохие актёры. Они всю дорогу подводили вас, – время фамиллярничать прошло, – именно вас к большой игре. А мы её им испортили. Вот они и решили, что нарвались на своих «коллег».

– Если это каталы, то им милиции, наоборот, опасаться стоит, – не соглашается депутат.

– Такие без прикрытия не работают, – говорю, – а поскольку здесь не улица, а пространство замкнутое, герметичное, силой вопрос не решить. Значит, у них прикормлены дежурные милиционеры, и мы сейчас увидим продолжение банкета.

– Ты уверен?

– Да, я же писатель, мы для подготовки к книге с разными специалистами общаемся, – выдаю объяснение не хуже иных прочих. – К нам даже с Петровки 38 оперуполномоченный УГРО приходил, про подобных супчиков рассказывал.

– Что ж, может, ты и прав. Тогда лучше я приготовлюсь, – отвечает Бубун и тянется за пиджаком.

Там у депутата и значок и удостоверение.

– Э нет, Сергей Геннадьевич, лучше не надо. Так вы спугнёте «оборотней в погонах». Они же тут же повяжут этих катал и сделают вид, что вообще их не знают. А если дать им проявить себя, то можно взять всю банду разом!

– Слово-то какое придумал интересное: «оборотни в погонах», – говорит Бубун. – Сразу видно, писатель!

Его глаза горят мальчишеским азартом. Не хватает в жизни директора совхоза приключений.

Едва мы успеваем договориться, как в дверь стучат, а затем самым решительным образом отодвигают в сторону. К нам заходят двое милиционеров. Высокие и крепкие парни примерно моего возраста с простыми крестьянскими лицами. Прямо двое из ларца, одинаковых с лица.

Я слышал, что сотрудников в транспортную милицию набирают из солдат-сверхсрочников. Такие и за себя постоять могут, и дебошира утихомирить, и любое другое безобразие пресечь.

– Дорожный отдел милиции, сержант Егоров, старшина Нечипоренко – говорит, стоящий спереди, сразу за двоих. – Предъявите документы.

Мы с Бубуном протягиваем им свои паспорта. Депутат и винзаводчик едва сдерживает улыбку. Сержант невнимательно листает документы и передаёт коллеге.

– Пройдёте с нами, – решительно говорит он.

– На каком основании? – спрашиваю.

– Вы подозреваетесь в мошенничестве, – поясняет милиционер. – Имеется соответствующее обращение граждан.

– Эти граждане сами – карточные шулера, – вступает в бесполезный спор Бубун.

– В этом компетентные органы разбираться будут, – отвечает сержант, – когда мы вас с поезда снимем и на станции им передадим.

Угроза прозрачная, как слеза. Статьи за шулерство в Уголовном кодексе нет. Нельзя организовывать притон, а вот обыгрывать в карты сограждан можно сколько угодно. Так что, будь мы настоящими каталами, нас бы после разбирательств отпустили. Хрен знает где, отставших от поезда без вещей и денег.

– Да чего ты с ними цацкаешься?! – подаёт голос второй, – где-то я видел эту рожу, – он тычет пальцем в Бубуна, – похоже, в розыске он!

– Вы не имеете права! – не выдерживает такого панибратства Бубун, – я депутат Верховного Совета СССР!

– А я маршал Будённый, – смеётся Егоров, – пройдёмте, граждане!

Далее ситуация развивается стремительно. Бубун встаёт и пытается дотянуться до пиджака. Сержант резко толкает его обратно. Хрен его знает, что ему приходит в голову. Может, думает, что Бубун правда рецидивист в розыске и там у него пистолет лежит.

«Агента под прикрытием» из винодела не выходит, и это приводит к совершенно неожиданной вспышке насилия. Я не, не ожидая такого расклада тоже вскакиваю с места. Старшина Нечипоренко резко бьёт меня кулаком. Стукаюсь башкой о стенку и отключаюсь.

* * *

– Очухался? – спрашивает Бубун. – Голова как?

– Вроде целая, – я трогаю затылок.

Там набухает здоровенная шишка, но крови нет.

– Давно я так?

– Минут десять.

Башка побаливает, но тошноты нет. Значит, обошлось без сотрясения. Осторожно оглядываюсь, чтобы не усугубить своё состояние резкими движениями.

Никакого карцера или «обезьянника» в поезде, естественно, нет. Нас посадили в пустое купе, заваленное узлами с постельным бельём и штабелями жёстких как наждак одеял.

А ты молодец, – уважительно говорит Бубун, – сразу эту падаль раскусил. И заступаться сразу полез, не сдрейфил. Ничего, доберусь я до телефона, и эти гниды у меня попляшут. Своими руками раздавлю.

И раздавит. Именно поэтому я и привлёк товарища депутата ко всей этой операции. Это меня и менты, и начальник поезда могли смело слать нахер, несмотря на писательскую корочку. А вот обладатель маленького, но очень значимого значка депутата Верховного Совета это совсем другая величина.

Бубун в принципе неподсуден. Депутатская неприкосновенность.

Он вообще мог каталам в своём купе ноги прострелить, и санкцию на его арест после этого должен будет выдать лично товарищ Подгорный. Сейчас именно Николай Викторович рулит этой советской декорацией парламента.

Так что сержант со старшиной, даже если их связь с каталами не будет доказана, сейчас люто превышают свои полномочия. Лет по пять уже себе заработали.

Скорее всего, они сейчас роются у Бубуна в вещах и удостоверение со значком уже видели. Теперь многое зависит от того, умные они или дураки. Поймут, кого задержали или поверят своим корешам, что мы «каталы» и работаем на пару.

Так-то всё складно выходит. Я их «выдернул», а Бубун обыграл. А то, что мы корочками и регалиями трясём, чтобы вывернуться, так это трюк известный.

Игроки в карты находятся где-то посередине между миром обычных советских людей и криминалом. На одном полюсе находятся крепкие стратеги с развитой логикой и памятью. На другом кидалы-уголовники, которые сдадут четыре туза подряд, а потом ещё четыре из той же колоды.

И первые ни в коем случае не подпускают к себе других. Единственная возможность честному человеку обыграть шулера – вообще не садиться. Это как гонка пешего с велосипедистом.

Поэтому каталы всеми способами стараются попасть в круг честных игроков. Через знакомства, «легенды», фальшивые документы. Конечно, подделывать депутатский мандат – это за гранью добра и зла. Но моим попутчикам в это легче поверить, чем в то, что их обнёс настоящий член Союза Писателей. А где один липовый документ, там и другой.

В голову лезет скверное. Восемь лет спустя, в Москве на Ждановской сотрудники транспортной милиции задержат майора КГБ. Польстятся на колбасу из продуктового пайка. Начальник патруля, узнав, что сотворили подчинённые вместо того, чтобы отпустить майора, решает «подчистить концы». Нет человека, нет проблемы.

Ментов потом расстреляют, но майору, погибшему из-за бутылки водки и палки колбасы, от этого не легче.

Не перемудрил ли я с комбинацией? Вдруг эти двое найдут мандат и впадут в панику?

Первым к нам заходит Нечипоренко.

– Знаете, фраера, на сколько вы сядете за такие ксивы?! – он кричит и размахивает руками, – мошенничество, подделка документов, сопротивление представителям власти!

– Я депутат Верховного Совета, – чеканя слова, произносит Бубун. – И вы за это попладитесь.

– Видал я тут и адмиралов, и докторов наук, – издевается Нечипоренко. – Заткни пасть, урка.

Его сменяет Егоров.

– Зря вы упрямитесь, – говорит он. – Вернули бы деньги, поговорили бы с потерпевшими... Может, они бы и не стали заявлять. Нам ведь тоже лишние хлопоты... протокол писать... состав задерживать... решили бы всё полюбовно...

– А сколько вернуть-то? – спрашиваю.

– Три тысячи пятьсот сорок два рубля тридцать восемь копеек, – читает с бумажки Егоров.

Судя по взгляду Бубуна, это точная сумма наших с ним наличных денег.

Нечипоренко и Егоров ещё несколько раз сменяют друг друга. Мы проезжаем какую-то короткую остановку. Я надеюсь, что так, за разговорами доберёмся и до Симферополя, но тут состав ещё раз останавливается.

– На выход, аферисты, – объявляет нам сержант.

* * *

Высаживают нас в Джанкое.

Стоит обычная для крымского мая погода. На небе ни облачка, яркое солнце и безветрие.

В Москве сейчас тоже очень неплохо, но юг есть юг. Если бы не всё происходящее то настроение у меня было бы приподнятым.

Но нет, приходится в сопровождении этих козлов Нечипоренко и Егорова идти в привокзальное отделение милиции. Одно радуется, пока эти двое здесь, поезд с нашими вещами и документами не уедет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.